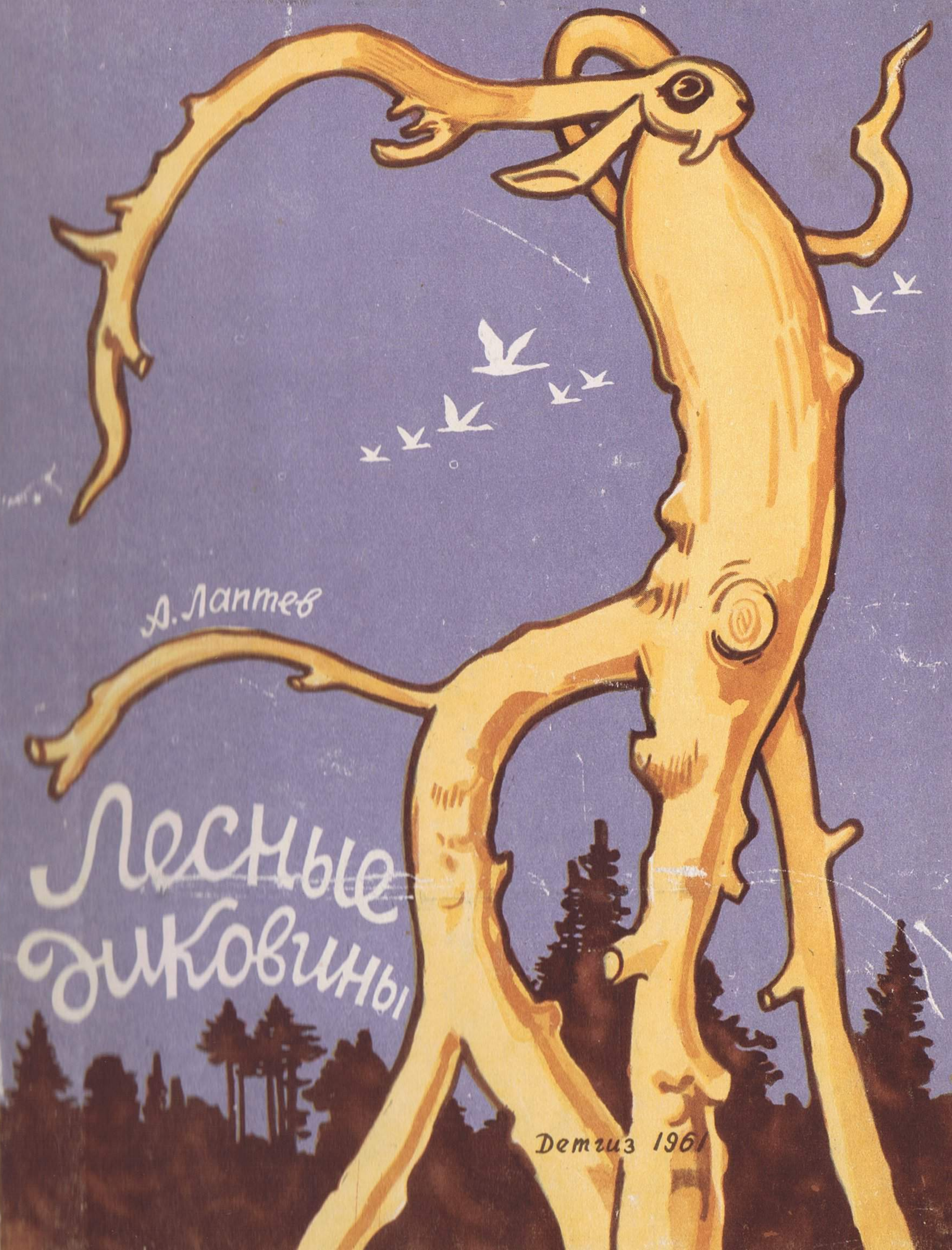

Цена 29 коп.

А. Лаптев

Лесные
диковины

Детгиз 1961

Внимание!

Данная книга оцифрована
и опубликована

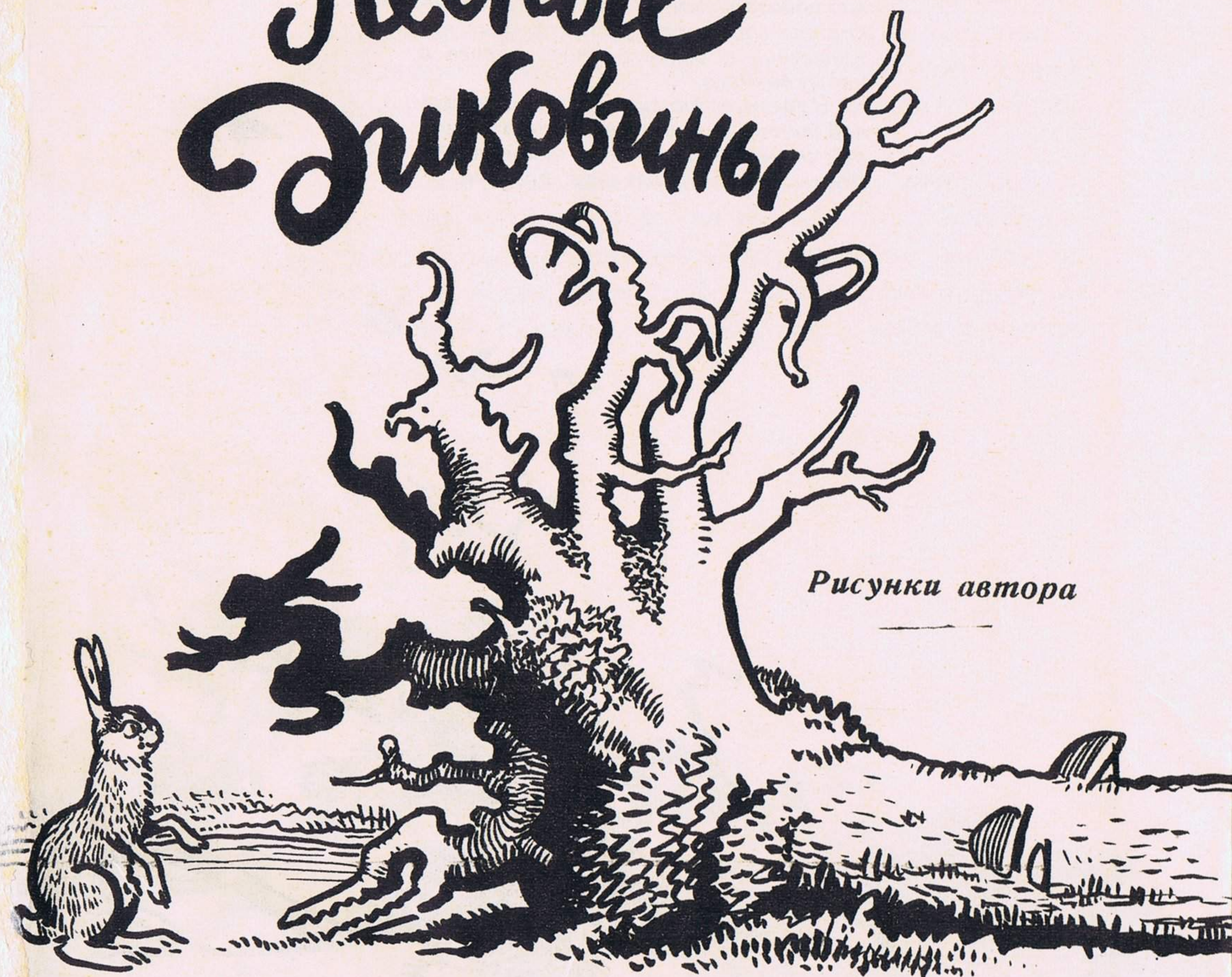
в сети "Интернет" в
некоммерческих целях
исключительно для
ознакомления.

С уважением к автору
книги.

А. Лаптев

Лесные дикивинь,

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1961

Эту книгу написал художник Алексей Михайлович Лаптев. В ней он рассказывает о том, как много интересного в окружающей нас природе — надо только быть любознательным и наблюдательным. Вместе с художником вы совершите увлекательные путешествия и узнаете много нового и неожиданного.

Прочтите книгу, и вы научитесь наблюдать интересные явления природы, разыскивать лесные диковинки и делать из них различные фигурки.

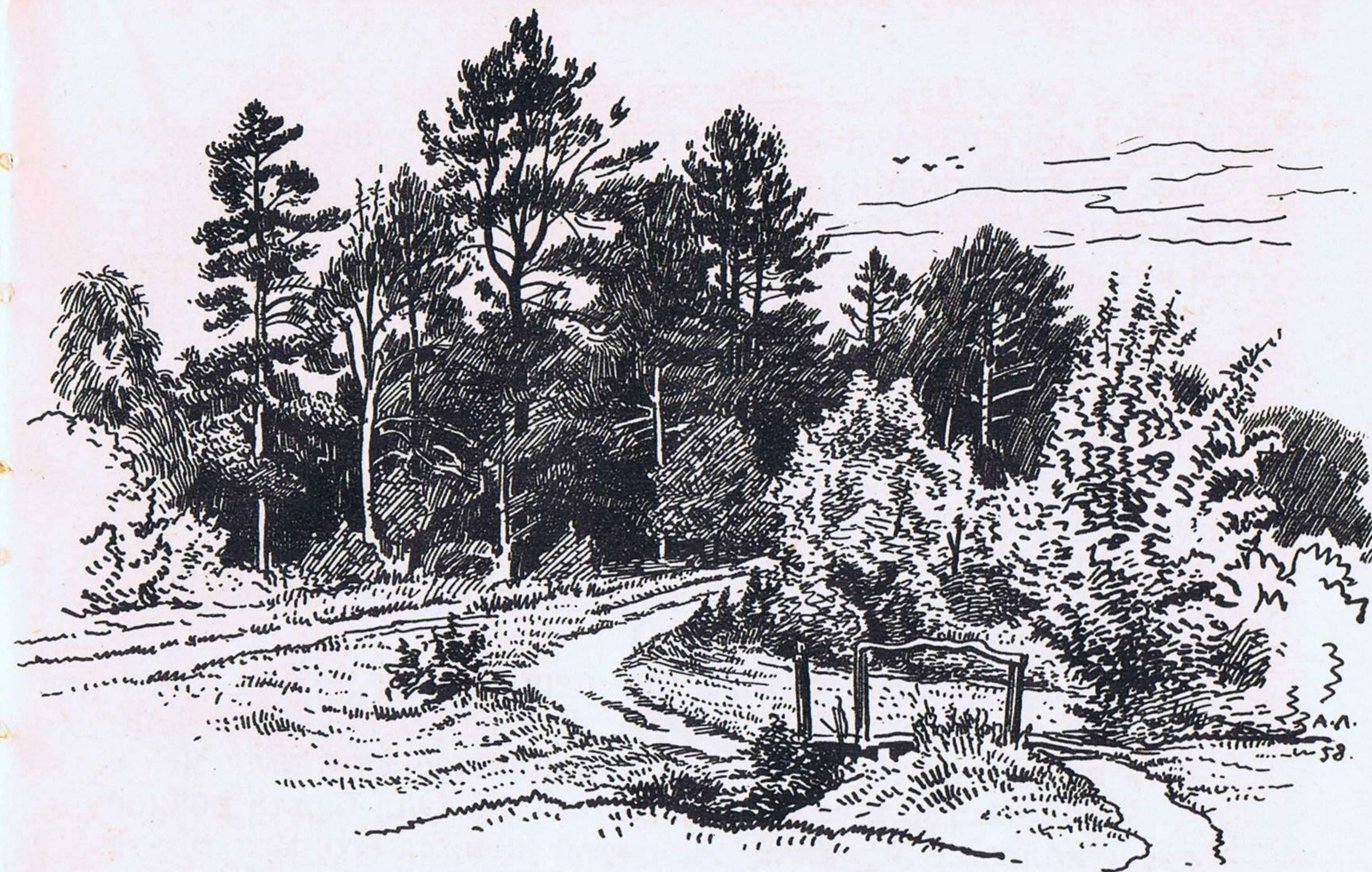
Когда я нес с прогулки связку причудливых корней, то часто слышу шутливые замечания прохожих: «Дровами запасаетесь?» Или: «Зелье будете варить?» На шутки и ответ шутливый: «Настойку делаю, на спирту, — полезно от ревматизма». Но когда мне задают вопросы уже всерьез, для чего я, большой, пожилой дядя, собираю корешки, сучки, древесные грибы, то ответить бывает гораздо труднее.

Кажется невероятным, что весь этот лесной «мусор», который даже на топливо-то не всегда годится, помогает почувствовать красоту природных форм и бывает нужен для необычайного, редкого занятия — скульптуры из корней, о чем я и говорю в этой книжке.

А. А. 58

I. НАЧАЛО

С малых лет разнообразие, красочность и движение окружающего мира захватывали мое внимание.

С малых лет неудержимо хотелось запечатлевать, рисовать все видимое, слышимое и воображаемое.

Рисовать я начал очень рано и с таким рвением, что заботливая мама едва успевала снабжать меня бумагой и карандашами.

Прохожие часто наблюдали, как мальчик лет семи, в холщовой рубашке с вышивкой на груди и на рукавах, сидит где-нибудь на поляне и рисует прямо с натуры пасущуюся стреноженную лошадь, терпеливо преодолевая неудачи, по несколько раз повторяя все сначала.

Я также часто рисовал что-нибудь сказочное. По вечерам мама читала нам, детям, русские сказки из сборника Афанасьева. И, хотя этот сборник был для взрослых, хотя в нем не было совсем картинок, все-таки он был любимой моей книгой — ведь в нем было столько интереснейших сказок, страшных, веселых и трогательных приключений, рождавших целый мир самых необыкновенных зрительных представлений.

Я часто раскладывал свои рисунки на кровати и подолгу рассматривал их. Порой они заменяли мне игрушки. Тут были и фигуры лошадей в разных положениях, и простые пейзажи задворок, и сказочные приключения различных героев или животных.

Однажды мама купила мне перочинный ножик с блестящей перламутровой ручкой. Я быстро научился владеть им. Но не только чинка карандашей увлекала меня.

Няня растапливала печь лучинами. Она брала ровное сухое полено с лежанки и косарем щепала его. Вот тут-то и являлся я со своим перочинным ножом. Выпросив у няни несколько ровных лучин, я садился на ее старенький сундук, обитый вычурными вырезками из железа, вынимал нож и с вдохновением начинал им «действовать».

Лучины великолепно пахли древесиной. Стругая, я изредка с наслаждением прикладывал их к носу и вдыхал пряный, свежий аромат.

Моя первая работа была несложна. Я еще не знал, что можно делать из дерева. С увлечением «отмахивая» стружку за стружкой, я любовался ровным золотисто-розовым срезом дерева, и оно казалось мне каким-то особым, дорогим материалом. Так я истреблял нянины лучины в изрядном количестве, приучаясь постепенно владеть перочинным ножом. С тех пор он стал моим другом. Особенно много работы ему было летом.

Но я не срезал сучья деревьев (что, кстати сказать, запрещали мне старшие), а довольствовался хворостом или сучками ветровала.

Как-то раз, не послушавшись маму, я начал резать

ствол молодой осинки, затевая что-то из него смастерить. Вдруг я заметил на месте надреза мелкие прозрачные капельки. Это был древесный сок. Мне показалось, что деревце плачет горькими слезами, и так жалко стало осинку, что я сразу же поднял срезанную кору, посадил ее на прежнее место и старательно обмотал длинной травинкой, решив впредь никогда не причинять «боль» живым деревьям.

Вырезал я в то время узорные тросточки, стрелы для лука, кинжалы с замысловатыми ручками; пытался делать и простые фигурки.

На улице Станиславского (бывший Леонтьевский переулок) помещается Музей кустарных изделий. Мама иногда водила меня туда.

Музей был полон всевозможных изделий кустарей — это была настоящая кладовая народного искусства. Мне особенно запомнились работы резчиков. Они были представлены очень широко и разнообразно. Тут были и бытовые сценки, и герои народных сказок, тройки с санями, шестерки со старинными каретами, сцены из сказок и басен.

Резная игрушка «Слепцы» (Богородск).

Мои детские работы из дерева.

Хотя в музее было много и других игрушек — раскрашенных кукол, лошадей и коров, которые были сделаны так тщательно, что выглядели как живые, — но изделия резчиков, по каким-то неведомым мне тогда качествам, казались самыми интересными, самыми привлекательными.

Посещение музея оставило во мне неизгладимый след и заложило прочную основу для дальнейших увлечений уже на всю жизнь.

Лет тринадцати я начал вырезать из дерева целые игрушки. Но это увлечение, как ни было сильно, все-таки являлось лишь дополнением к моему основному и постоянному делу — рисованию.

Иногда я по несколько лет не касался дерева, продолжая, впрочем, нежно любить ласковый шелест листвы, шум хвои, рисунок древесных стволов и крон.

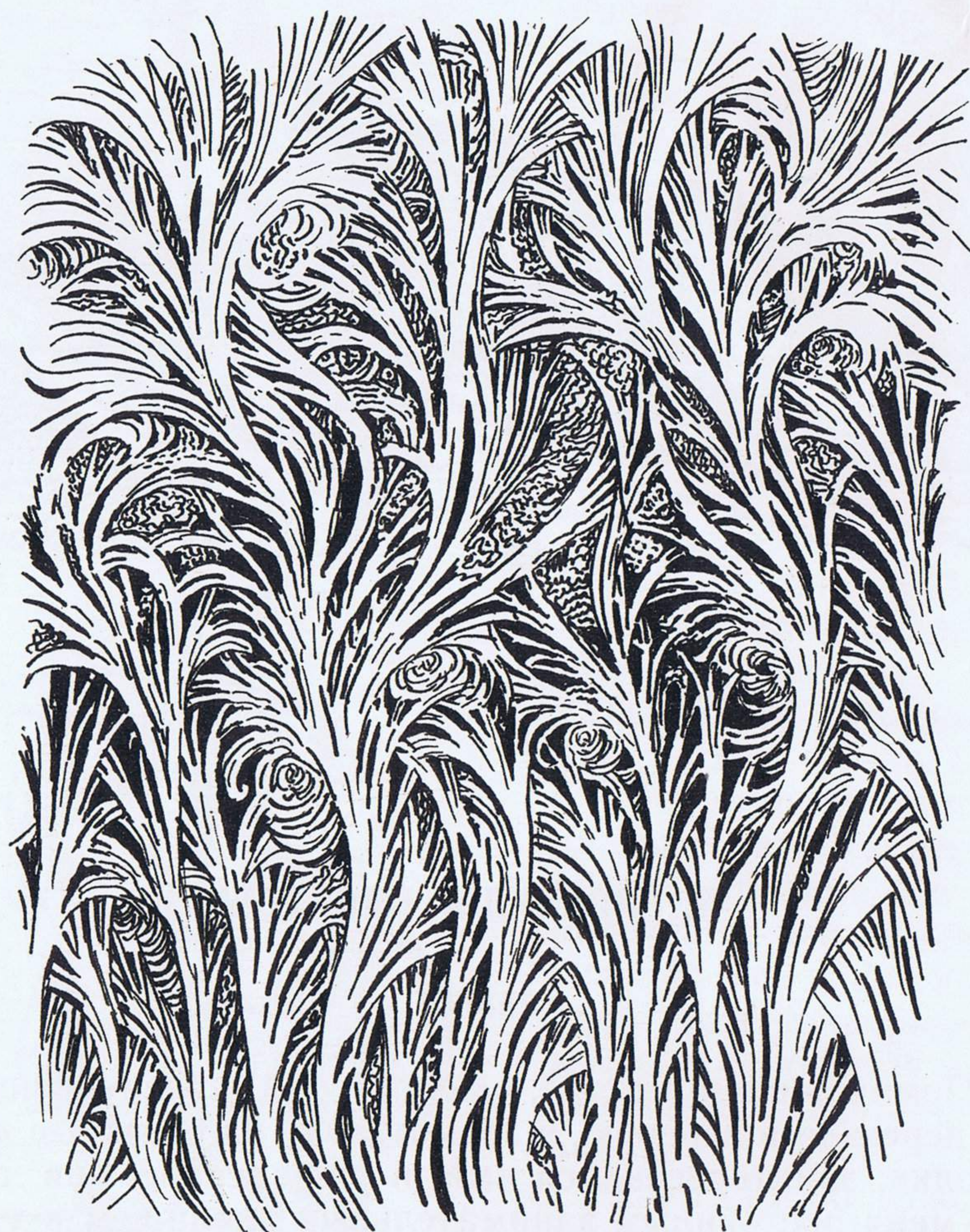
II. ПРИЧУДЫ ПРИРОДЫ

РАЗНОЕ

Помню, еще в детстве, как-то утром, проснувшись после переезда в деревню, я засмотрелся на сосновые доски потолка, заинтересовался ими, и уже вскоре они стали для меня постоянным занимательным зрелищем в утренние часы, когда я еще лежал в постели.

На ровной, гладкоструганной поверхности были отчетливо видны сложные и разнообразные рисунки слоев дерева и срезов сучков. В этих рисунках я находил морские и речные берега, горы, облака, замысловатые сказочные существа.

Все переливалось, играло розовато-золотистыми и охристо-красноватыми оттенками.

Морозные узоры «Павлиньи перья» на окне.

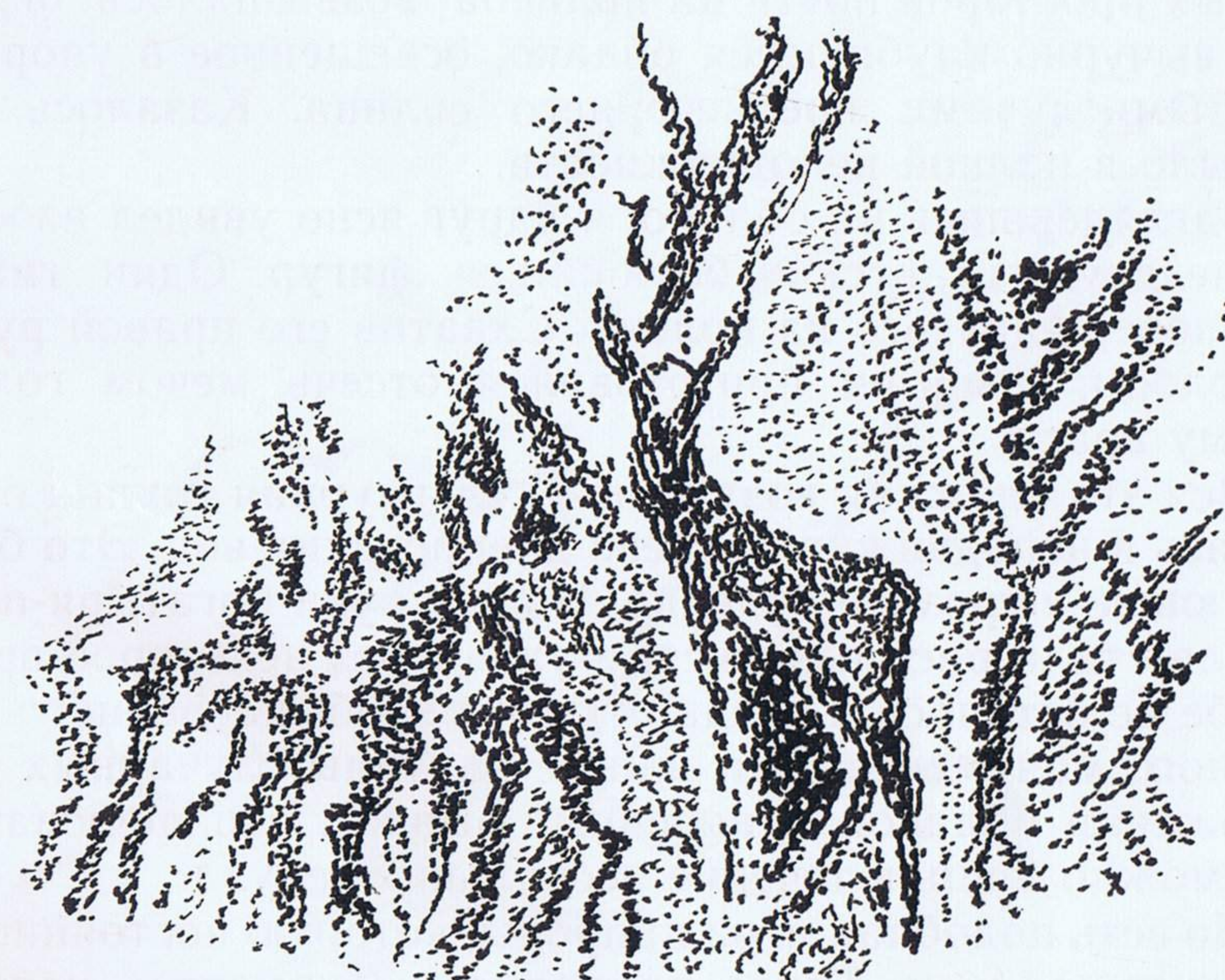
Рассматривать потолок мне отнюдь не надоедало, так как каждый раз я видел что-нибудь новое в древесных картинах.

Игра детской фантазии не имеет границ. Зимой, когда на дворе начинали похаживать первые морозцы, за ночь

происходило чудо: окна нашего дома неузнаваемо преобразались. Стекла были искусно разрисованы тончайшими искрящимися кружевами и узорами с изображением фантастических цветов, павлиньих перьев, папоротников и мхов. Когда холодное утреннее солнце светило в окна, узоры сверкали тысячами мельчайших кристалликов. Я подолгу как зачарованный простаивал у окна, рассматривая это чудо. Затем переходил к другому, где все узоры были уже совершенно иными.

Рождались неосознанные вопросы: «Откуда эти узоры? Вчера вечером их не было... Кто смог создать такую красоту? Ведь на кружевах узоры куда хуже...»

На мои расспросы и мама и бабушка, словно сговорившись, отвечали, что это проделки деда-мороза. И я представлял себе его каким-то сказочным великаном, по

Морозный узор «Семья оленей».

ночам разрисовывающим своим чудодейственным самописным карандашом окна домов.

В прошлую зиму мне снова пришлось поразиться такому «дед-морозовскому» искусству.

— Папа! — окликнула меня дочь. — Посмотри, что делается на окне.

Действительно, узоры на стекле были совершенно необыкновенные. В них ясно были заметны очертания семьи оленей. Я тут же зарисовал их, стараясь передать всё абсолютно точно.

А кто не знает игру природы в формах облаков! Я никогда не мог пройти равнодушно мимо этих кратковременных небесных явлений. Приходилось наблюдать картины поистине чудесные. Часто я жалел, что нет под рукой блокнота с карандашом или фотоаппарата. Особенно мне запомнилось одно сказочно красивое зрелище.

В природе стояло полное безветрие. На фоне синих небесных просторов почти на полнеба возвышалось огромное, вычурно клубящееся облако, освещенное в упор розоватыми лучами предвечернего солнца. Казалось, оно застыло в полной неподвижности.

Заглядевшись на облако, я вдруг ясно увидел изображение двух гигантских борющихся фигур. Один гигант уже поверг другого на колени. Схватив его правой рукой за волосы, левой он приготовился отсечь мечом голову своему врагу.

Вся эта сложная воздушно-скульптурная группа отражалась в неподвижной синеве днепровских вод. Это было чарующее и грозное видение. Но вот руки богатыря-победителя стали расплываться, и уже через некоторое время в небе не осталось и следа от этого необыкновенного воздушного монумента. Эти живые картины случайных расположений облаков мгновенны. Бывает, что любоваться ими можно лишь в течение нескольких секунд.

Но есть подобная игра природы, которую постоянно использует человек. Такое природное «искусство» нередко встречается в мраморе, в яшме и других горных породах.

Мрамор иногда используется в архитектуре для облицовки стен. Многие станции Московского метро отделаны внутри мраморными плитами. Рисунок некоторых плит, как, например, на станции «Динамо», особенно интересен.

Однажды я решил разглядеть их подробно. Поезда приходили и уходили, но оторваться от этих росписей самой природы я не мог. Плиты были испещрены красивыми узорчатыми рисунками. Даже при беглом обзоре я легко обнаружил в этих рисунках и профиль девушки, и мать с ребенком, и римского императора в тоге, и семью пингвинов, и многое другое.

Заметив на себе внимательный взгляд дежурной в красной фуражке, я решил объяснить ей свое необычное поведение. Она живо откликнулась:

— Да, узоры на мраморе очень красивые. Во время дежурства я часто ими любуюсь...

Сражение богатырей.

Танцовщица в тоннеле метро.

Как-то с не меньшим интересом я увидел подтек на стене в форме большого вычурного пятна. Оно очень напоминало фигуру танцовщицы: взметнувшиеся волосы, откиннутые руки, воздушное платье и характерное движение ног. Я бегло зарисовал ее контур в блокноте.

Мне вспомнилось тогда известное изречение великого художника эпохи Возрождения Леонардо да Винчи: *«Не презирай этого моего мнения, которым тебе напоминает, что пусть*

не покажется обременительным остановиться иной раз, чтобы посмотреть на пятна на стене, или на пепел огня, или на облака, или грязь, или другие такие места, в которых, если ты хорошенько рассмотришь их, найдешь удивительные изобретения, чем ум живописца побуждается к новым изображениям...»

Леонардо да Винчи в своих записках неоднократно возвращался к этой мысли и тем самым как бы завещал художникам остро приглядываться ко всем проявлениям жизни и учиться находить прекрасное.

В сложном, необъятном мире живой и неживой природы удивительные зрелища встречаются не так уж редко.

Туристские походы, всевозможные прогулки и экскурсии приоткрывают нам красоту родного края.

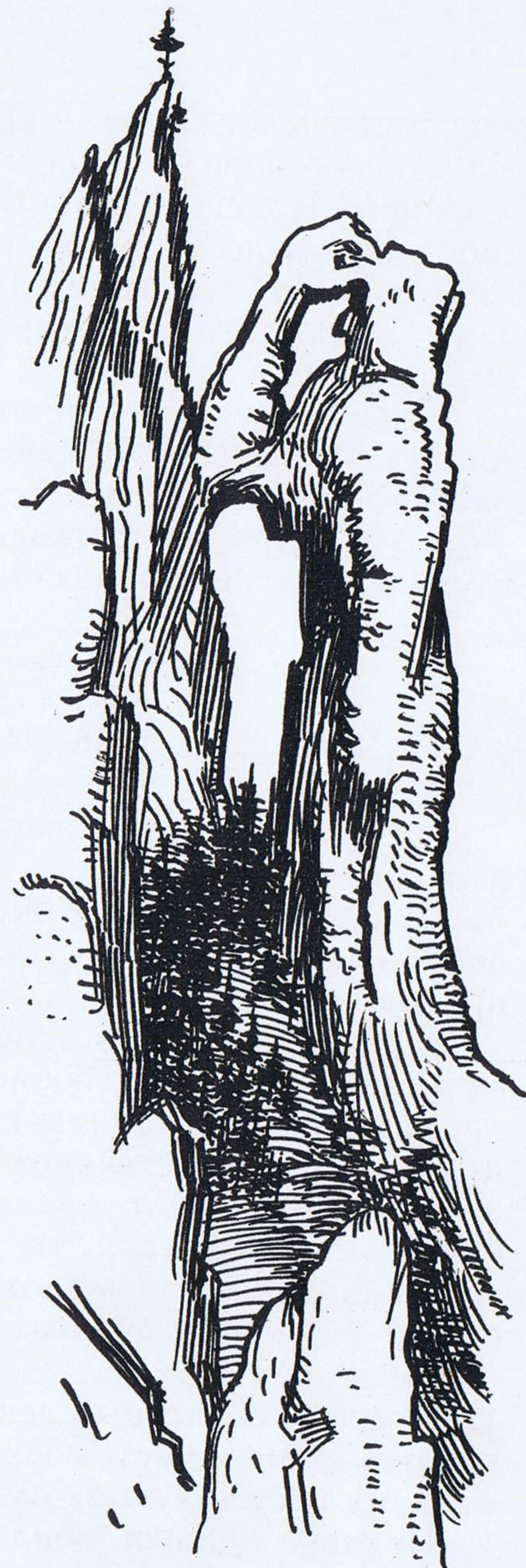
Под Красноярском есть заповедник «Столбы». Это нагромождение скал — не что иное, как остатки отрогов Саянских гор. Туристы с интересом рассматривают огромные изваяния, «сработанные» самой природой: «Танк», «Гриб», «Беркут», «Дед», «Генерал» и другие.

Еще более разнообразны вулканические скалы Кара-Дага в Крыму. Там известны «Короли», подобные шахматным фигурам, «Лев», «Сфинкс» и даже «Профиль Пушкина». В Чехословакии, в горах Малые Татры, есть скала «Молящийся монах». Не так давно, путешествуя по Чехословакии, я зарисовал ее в свой альбом. В свое время я прочел в газете следующее: «На Земле Франца-Иосифа, в бухте Тихой, бродит оригинальный айсберг. Зимовщики называли его «Гоголь». Как видно, наши русские классики «не забываются» природой!.. (Айсберг, как известно, — ледяная гора, плавающая в море.)

Недавно, просматривая карты Подмосковья, я обратил внимание на очертания большого водохранилища под Костромой.

Оно было похоже на силуэт зайца. Даже остров был на месте глаза.

Это напомнило мне, как еще в гимназии учитель, чтобы мальчики хорошенько усвоили контуры материков и морей, всегда прибегал к сравнительной характеристике. Так, Италия была сапо-

Скала «Молящийся монах».

гом, Балтийское море — женщиной, ставшей на колени, Каспийское море — медведем.

Много чудесного остается скрытым от наших глаз и в тропических лесах экватора, и в вечных льдах горных хребтов, и под землей, в удивительных сталактитовых пещерах... Охватить все земные чудеса даже воображением невозможно.

Но часто, уносясь мечтами вдаль, не замечаешь, что масса своеобразного и любопытного находится, как говорится, прямо под боком, в двух шагах от тебя.

Я это остро почувствовал, побывав однажды зимой в глухих, заснеженных лесных трюсках Подмосковья.

НЕБЫВАЛАЯ ОХОТА

Русская зима! Кто не знает ее сверкающих, белоснежных красот!

Пушистые покровы, окутывающие все кругом — каждое дерево, каждую кочку, — преобразают родную природу неузнаваемо.

Но в то же время как все это знакомо и близко русскому человеку, горячо любящему и зимний морозец, и похрустывание снега под ногами, и белые просторы равнин, и лес в его торжественном зимнем облачении!

Посмотри на это зимнее величие! Оно ласкает и радует глаз. Но если ты углубишься после обильного снегопада в лесную непроходимую глушь, то найдешь там еще не виданные проказы и затеи нашей русской матушки-зимы.

Как-то в солнечный денек, вооружившись блокнотом и карандашами, вместе с фотографом Глебом я отправился в лес на небывалую охоту.

Недавно прошел обильный снегопад. Потом грянул мороз, сковал его покровы, закрепив прочной корочкой. Сильный ветер ревностно принялся дорабатывать уже

Куропатка.

Поросенок.

Лебедь.

Снежная скульптура.

наметившиеся изваяния, обтачивая их, сдувая наименее прочное и случайное. Смахнул опушение с мелких сучков и веточек и оставил лишь самое главное. Картина получилась невиданная.

Углубившись в чащу лесной глухомани, мы остановились как зачарованные: на кустах, на валежнике, на ветвях различных деревьев — повсюду белые изваяния. Казалось, что они выточены из какого-то небывалого драгоценного мрамора, светящегося изнутри ровным искристым светом.

Скульптур было такое множество, зрелище было столь торжественно и грандиозно, что просто глаза разбегались. Это был необычный заснеженный лес. Мороз и ветер создали изваяния, оставив их покоиться на стыках сучков, на лапах елей и еще на каких-то неведомых естественных опорах, отделив одно от другого. Все фигуры были необыкновенно красивы.

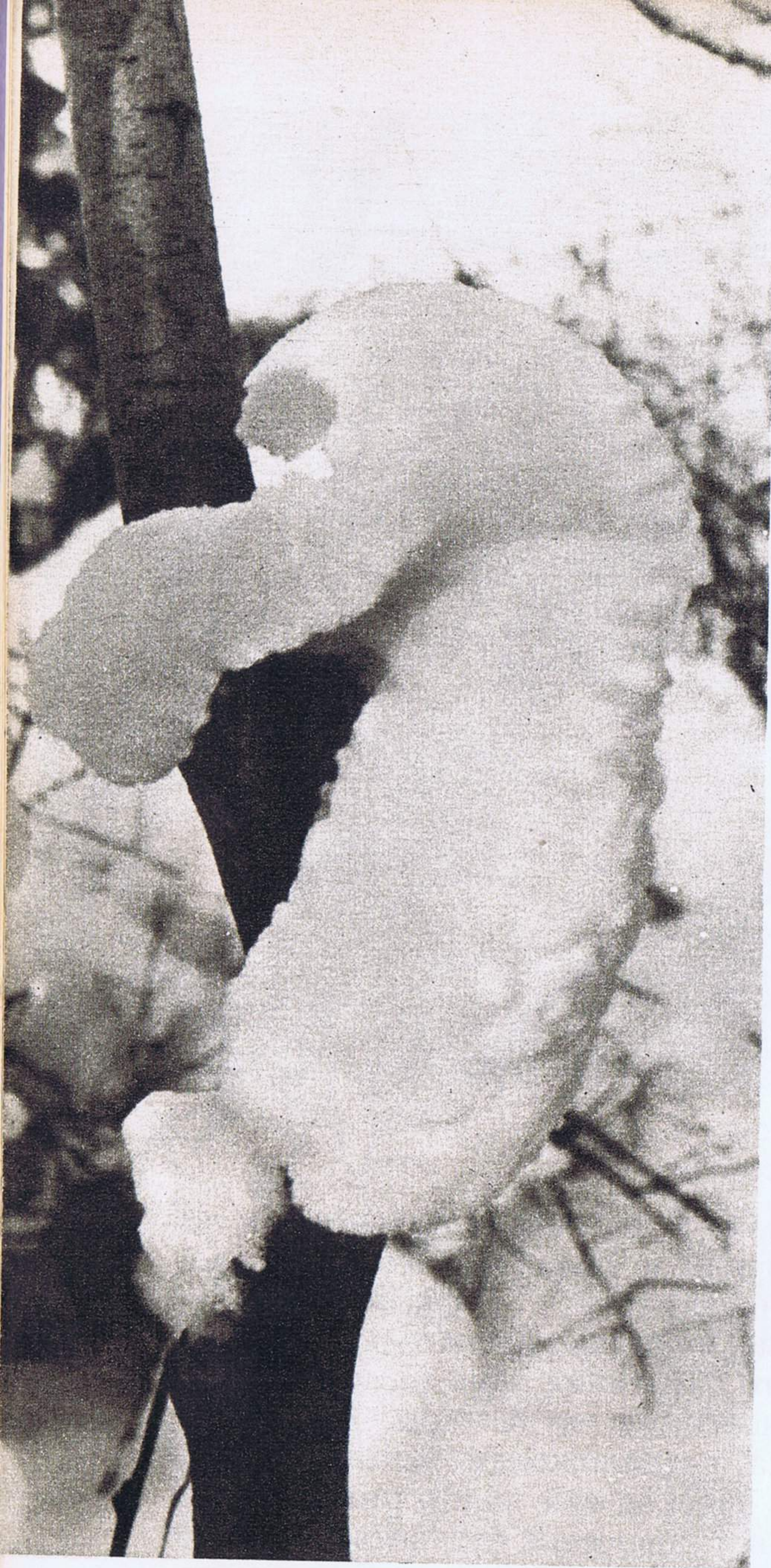
Для того чтобы рассмотреть подробно, зарисовать, сфотографировать самые интересные, надо было подблизиться к ним поближе. Снег

Горностай.

был рыхлый. Лыжи утопали в нем, цеплялись носами за валежник. Пришлось снять их и, проваливаясь по колено, продолжать необыкновенную охоту.

Это было хоть и трудно, но очень увлекательно. Постепенно среди белоснежного сверкания одна за другой стали открываться необыкновенные скульптуры. Вот среди тонких сучков орешника расположился белый лебедь. Я спешу зарисовать его: впереди еще много интересного, а день уже на исходе. А вот поросенок беспомощно повис на тонких ветках; дальше — белая куропатка. Я рисую их друг за другом.

Белый медвежонок.

Среди бурелома виднелась наполовину сломанная ель. На ней из снега образовалась фигура сказочной старухи. Я говорю фотографу:

— Глеб! Пробирайся вон к той бабеге, снимай ее на фоне неба...

Глеб с великими трудностями подобрался и щелкнул аппаратом. Потом он сфотографировал горностая и белого медвежонка. Медвежонок был очень забавным: он как бы лез по стволу осинки, но на полдороге задержался в раздумье.

Тончайшая, ювелирная работа природы порой была совершенно удивительна. Мы сняли, например, снежного удава, грациозно расположившегося на тонких ветвях какого-то кустарника. Было невозможно угадать, как держится эта хрупкая снежная форма.

Баба-яга.

Удав.

Кругом полная тишина, зачарованное царство!..

Пробираясь к «добыче», я не раз нарушал зимнее убранство. Кустарник качался, ломались мелкие веточки, и белоснежные изваяния, распадаясь, сверкающими каскадами обрушивались на наши головы.

Двигаться по снегу было утомительно. Голубоватые тени стали сгущаться. Собрано уже немало интересного. Пора кончать эту небывалую охоту...

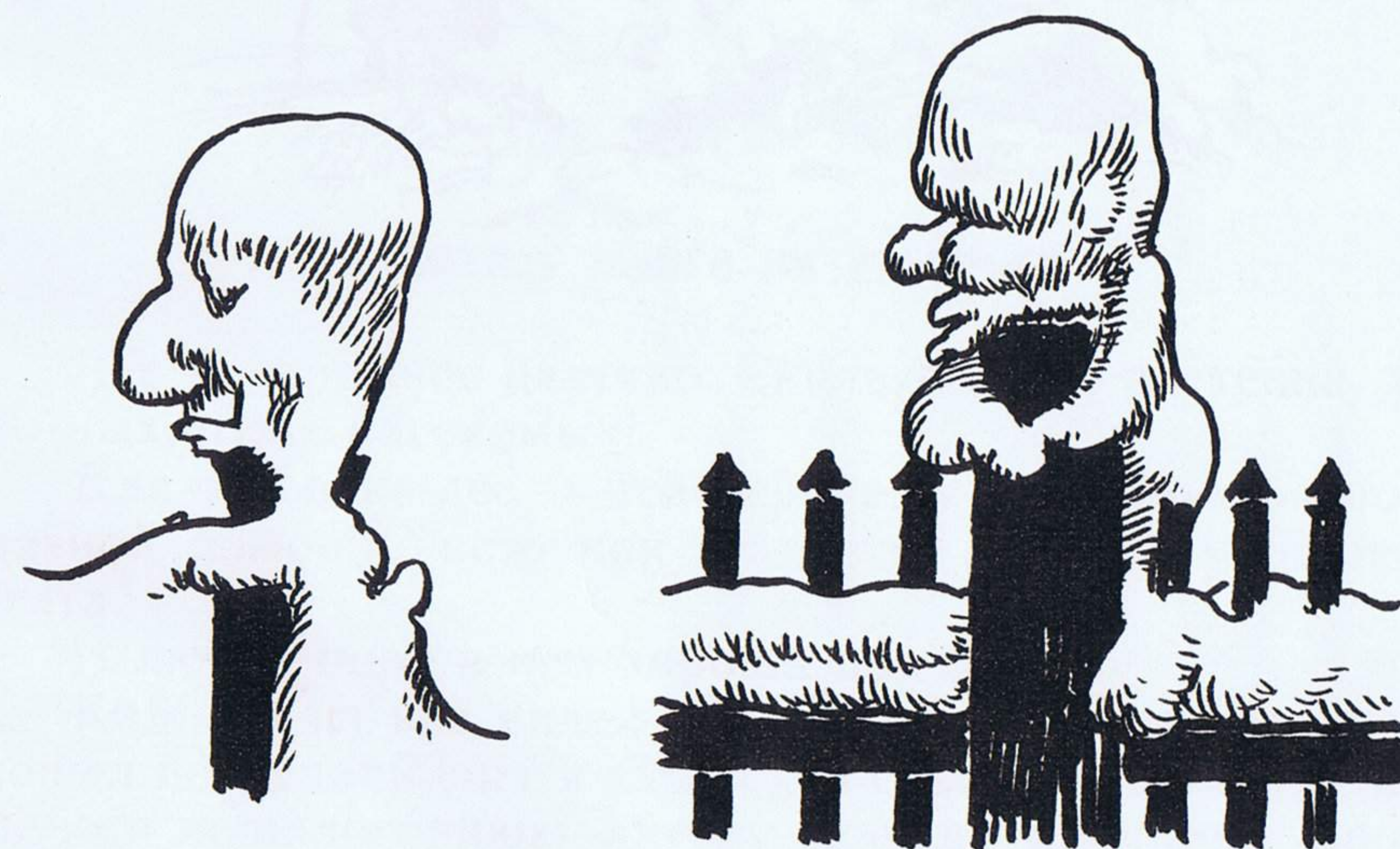
Мы выбрались из белоснежных трущоб, стали на лыжи и направились в обратный путь.

Вдоль дороги шел забор. На столбиках образовались снежные шапки. Да ведь это тоже чьи-то фигурки! И вот я уже рисую их. Это были два старичка лесовичка. Один веселый и даже улыбающийся, другой о чем-то тоскующий.

Удивительно! Вблизи города существует этот особенный, сказочный мир, а о нем мало кто догадывается или знает. Ни одной лыжни, ни одного человеческого следа не встретил я.

Радостно было запечатлеть хоть чуточку этой зимней сказки.

И думалось мне: пригреет солнце, дунут ветры, и, может быть, уже завтра исчезнет без следа это очаровательное зрелище. Неужели нет у человека возможности

Грустный и веселый старички.

овладеть лесными чудесами, украшать ими свое жилище и любоваться на них всегда?

Но если зимний лес мог только разжечь игру моей фантазии, раззадорить творческую мечту, не дав в руки ничего предметного, то это мне щедро преподнес лес летний.

III. ДАРЫ ЛЕСА

ВОКРУГ МНОГО ИНТЕРЕСНОГО

Лес — огромное царство. Сколько в нем растений, животных, птиц, насекомых!

Для человека лес — неисчерпаемый источник разнообразной помощи, источник радости, покоя и украшения быта.

И любая пора в нем хороша по-своему.

Каждый из нас видел весенний лес, когда только что сошел последний снег и едва-едва сквозь прелую, слежавшуюся прошлогоднюю листву кое-где начинают пробиаться желтенькие стрелки неведомых трав. А потом уже набухают почки, и лесные чащи издали мерцают розоватым опушением.

Каждый из нас видел и лес летний — с разросшейся тенистой листвой, насыщенной зеленым сочным цветом, с ягодами и грибами, с несметными пряными ароматами тысяч цветений.

И осенний лес знаком каждому, со своей огненной листвой, словно вобравшей в себя весь солнечный свет уходящего лета, листвой, уже готовой лечь на землю широчайшим сверкающим ковром и как бы защитить ее от наступающих холодов...

А зимний лес! Сколько в нем поэзии и особого, неповторимого очарования!..

Писатели, поэты, художники воспевают лес в своем искусстве, а государство заботится о нем как о сокровище.

Но мало любоваться лесом или только использовать его для нужд быта. Его надо горячо полюбить, как настоящего хорошего, доброго друга, и изучать, да не по книжкам, а прямо в открытую, внутри его гостеприимных объятий, при каждом удобном случае. Вот тогда-то он и начнет приоткрывать нам свои особые уголки тайников и кладовых, до поры до времени как бы недоступные нашему глазу.

Лес не только цветет и разрастается — он и гибнет. Сильнейшие шквалы вырывают с корнем огромные, вековые деревья. Гиганты падают, подминают под себя соседние.

В лесных глубинах можно часто встретить огромные выворотни с причудливо растопыренными корнями. Издали они кажутся какими-то сказочными существами, настороженно притаившимися в чаще. С течением многих лет в зарослях леса, на просеках и на опушках образуется множество пней.

В некоторых местах идет раскорчевка; тут пни и коряги складываются целыми грудками и подолгу лежат, пока их не увезут на топливо. Их обмывают дожди,

А.А.58

На корчевке в лесу.

высушивает солнце, обдувают ветры. Обнаженные корни темнеют от времени и выделяются на фоне цветущей летней растительности.

Казалось бы, малопривлекателен этот уголок погибшей природы, лишенной жизненных соков, форм и цвета.

Но попробуем все-таки остановиться и внимательно приглядеться к причудливым силуэтам корней; и вот постепенно, незаметно для нас самих, пробудившаяся фантазия начнет находить в них очертания, что-то напоминающие. Корни как бы оживут и заговорят с нами на еще неведомом языке «объемов и линий».

Так среди них мы найдем изгибы каких-то тел, лап и ног, а порой и целые, по-особому выразительные фигуры.

Но не только на корчевках могут быть подобные лесные находки.

Лес изобилует всяческими древесными причудами. На березах и на других деревьях встречаются шишковатые наросты, которые в народе называются «капами» и иногда «чагами». Это болезнь дерева. После снятия коры эти наросты имеют очень красивую своеобразную поверхность. Внутри их масса дерева очень свивоватая (крученая, извилистая), и при распиле их получается рисунок слоев необыкновенный.

Среди древесных недугов бывают всякие искривления, перегибы и хитросплетения.

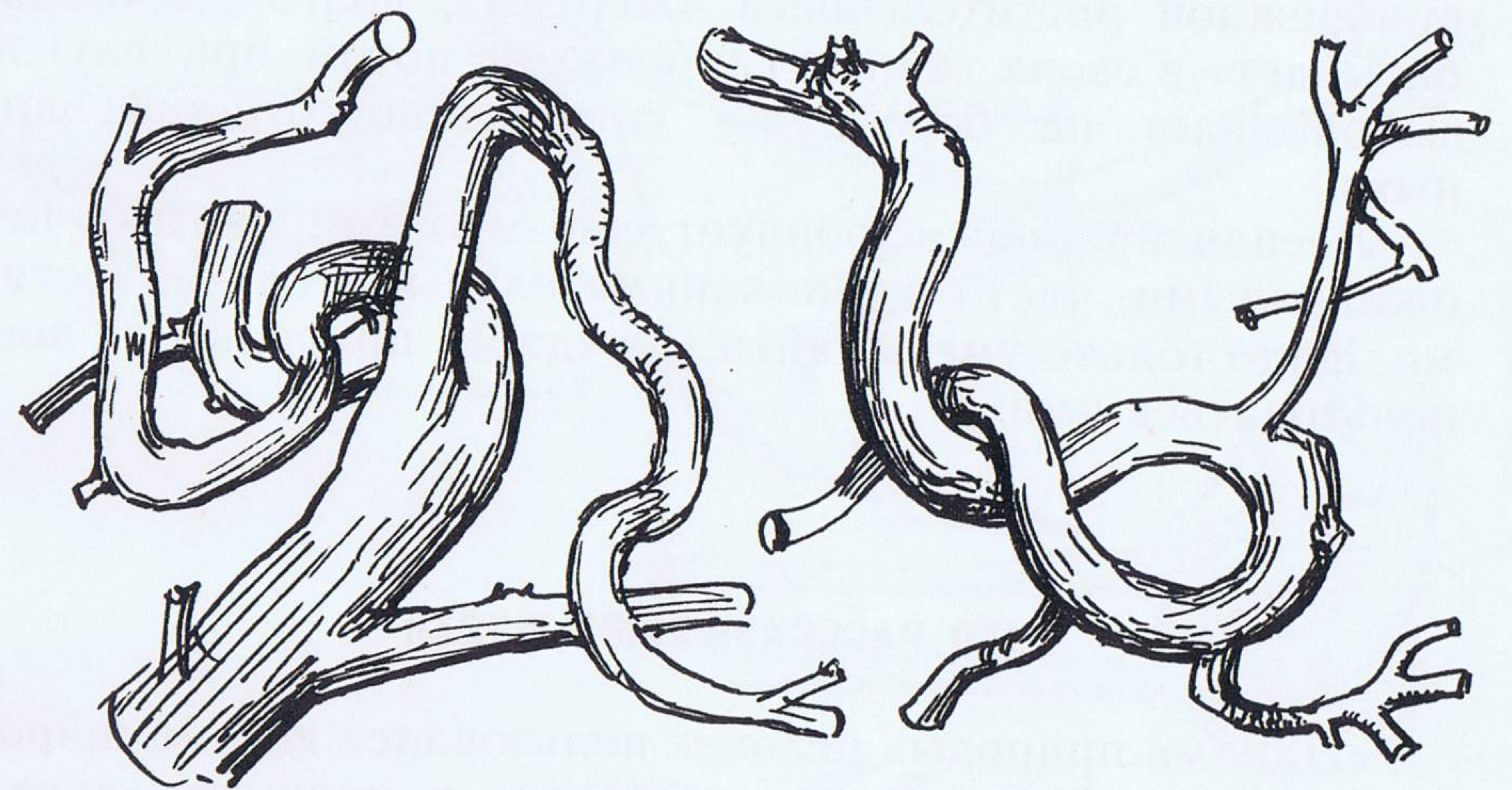
Как-то прогуливаясь по берегу Сенежа, я увидел поваленную бурей ветлу. Мое внимание привлекли вьющиеся, как змеи, и вычурно переплетенные сучья. Это для ветлы совершенно необычно. Один сук, довольно толстый, по-видимому, уже давно так и рос, переплетенный сам с собой.

Может быть, кто-то когда-то подшутил над молодым деревцем, завязав его тонкие, гибкие побеги узелком, а узел разросся и затвердел. Эту находку я вырубил топориком и взял с собой.

В Казахстане, на берегу Чебачьего озера, есть березовая роща, названная народом «танцующим лесом».

Стволы берез здесь искривлены, согнуты пополам, перебиты в необыкновенной игре по какому-то загадочному капризу природы.

Подобную картину я видел недавно в старинном парке бывшего имения Ганнибалов — Петровском, в Пушкинском заповеднике, недалеко от Михайловского. Там есть знаменитая аллея карликовых лип, где когда-то любил

Витые сучья ветлы.

бывать Пушкин. Липы в этой аллее причудливо искривлены, перебиты, на них во многих местах образовались утолщения и шишки. По-видимому, это результат искусственного перерождения, которое в старину применялось при создании парковых ансамблей.

Весьма любопытными бывают и совершенно гнилые пни, тщательно обработанные муравьями. Вычурная, ажурная узорность этих произведений природы совершенно изумительна. Они уже перестают быть похожими на

древесину. Как будто какие-то карликовые сказочные пещеры и гроты видишь перед собой, когда нагнешься к ним близко-близко, чтобы рассмотреть изнутри.

Многое можно найти и около торфяных болот.

При разработке торфа из него выбираются все остатки корневищ. Торф берется пластами, коряги часто вырываются из глубины в несколько метров. Сотни лет лежали они там и зачастую сохраняли большую прочность. Древесина их имеет красивый буроватый цвет.

Много интересного можно найти и на берегах озер и морей. Вода, подмывая берега, находит в окружающей прибрежной растительности «жертвы», долго их «обрабатывает» в своих тайных глубинах и потом при случае выбрасывает на берег уже совершенно отшлифованными.

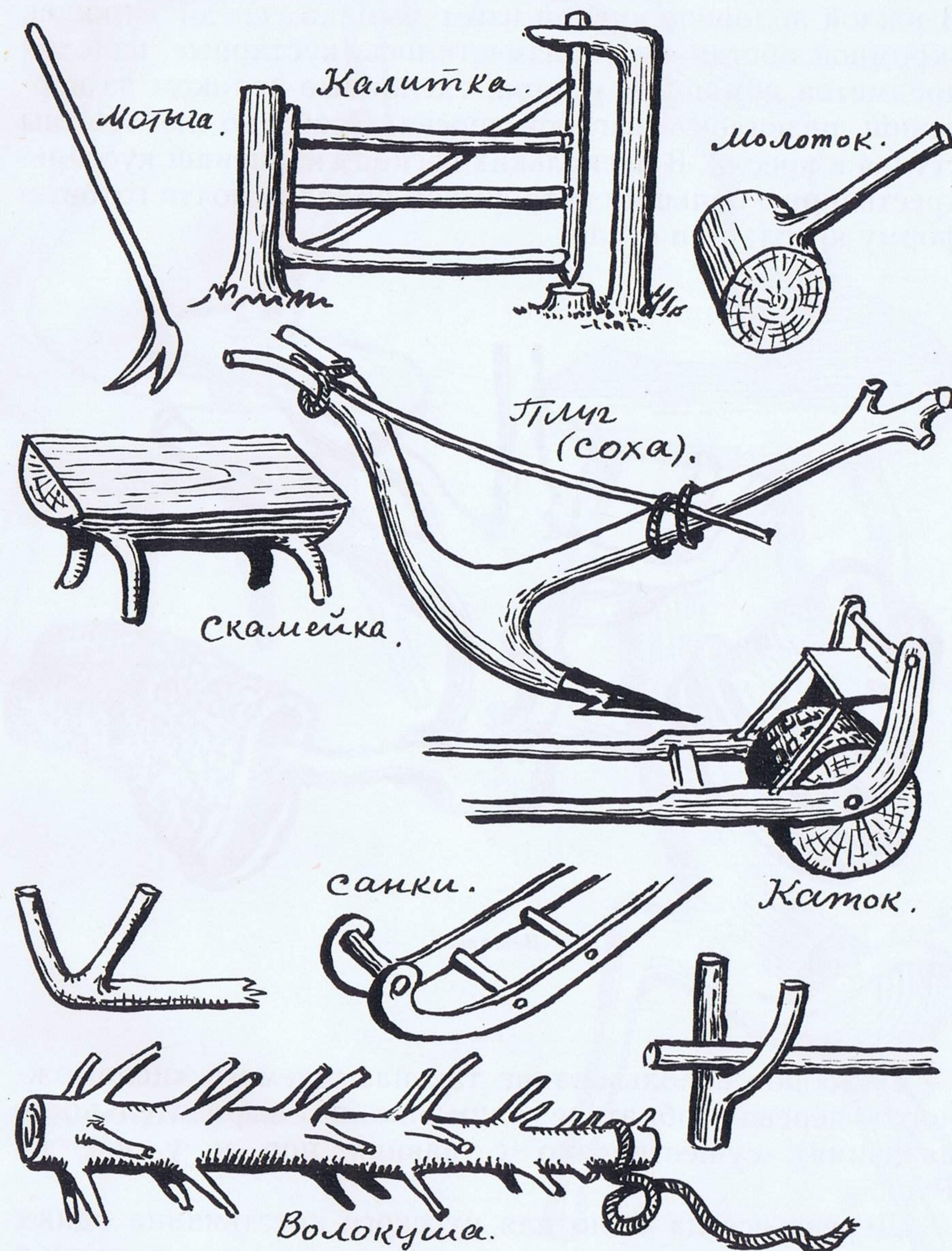
Лесная природа изобилует еще многими самыми неожиданными, часто очень занимательными случайностями. Надо только уметь найти эти «дары природы» и воспользоваться ими.

ЧТО РАССКАЗЫВАЮТ МУЗЕИ

«Дарами природы» человек пользовался весьма широко и обстоятельно, преимущественно в прошлом, когда техника была еще очень мало развита и не было сельскохозяйственных машин.

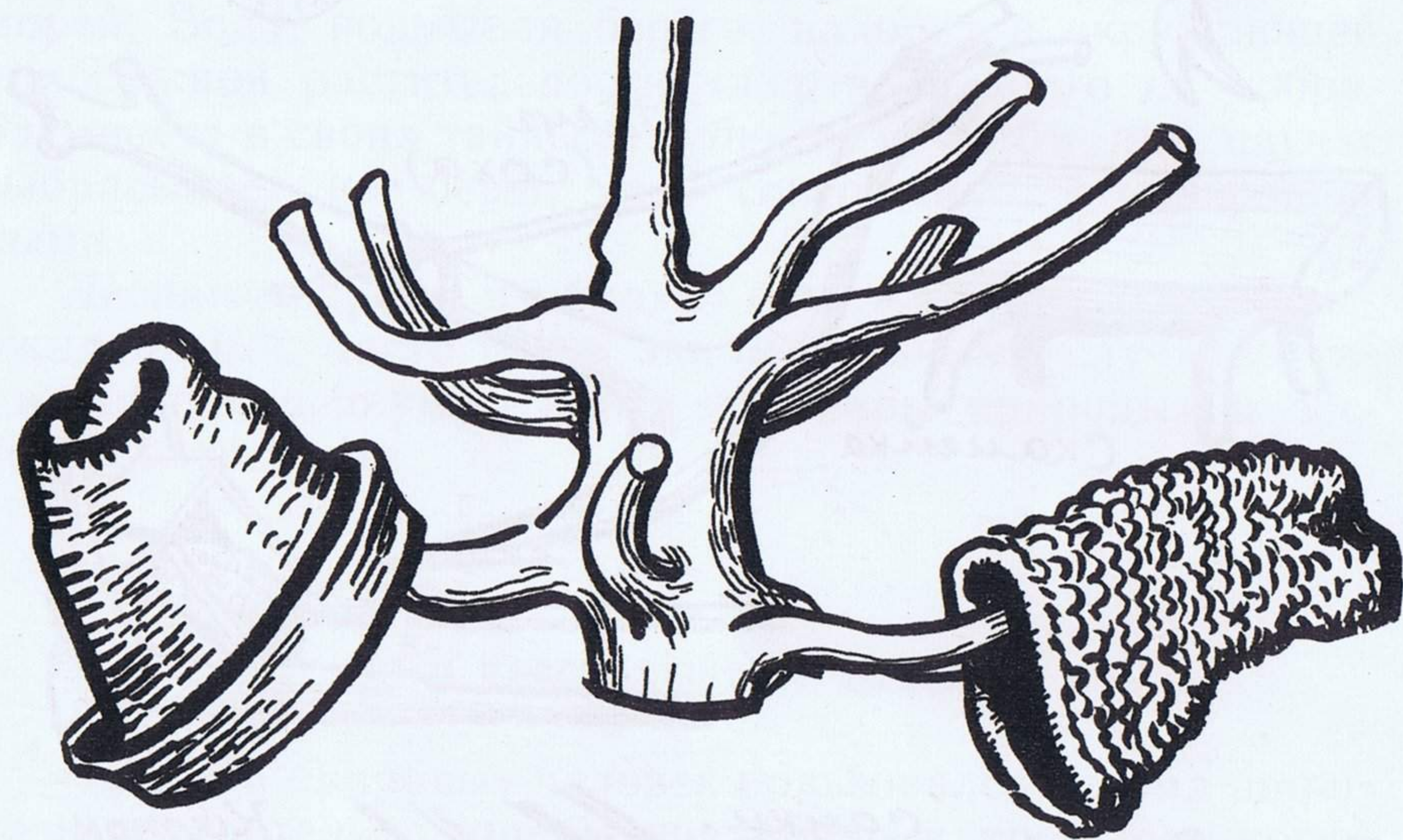
Под Ригой есть оригинальный по своему устройству государственный заповедник — Музей народного быта Латвии.

На большом пространстве, среди векового соснового бора, прямо под открытым небом собрали со всех концов страны старинные ветхие здания. Тут деревянные мельницы, корчмы (трактиры), церквушка и разные жилые и нежилые постройки. Многим из них значительно больше ста лет.

Предметы быта и орудия труда.

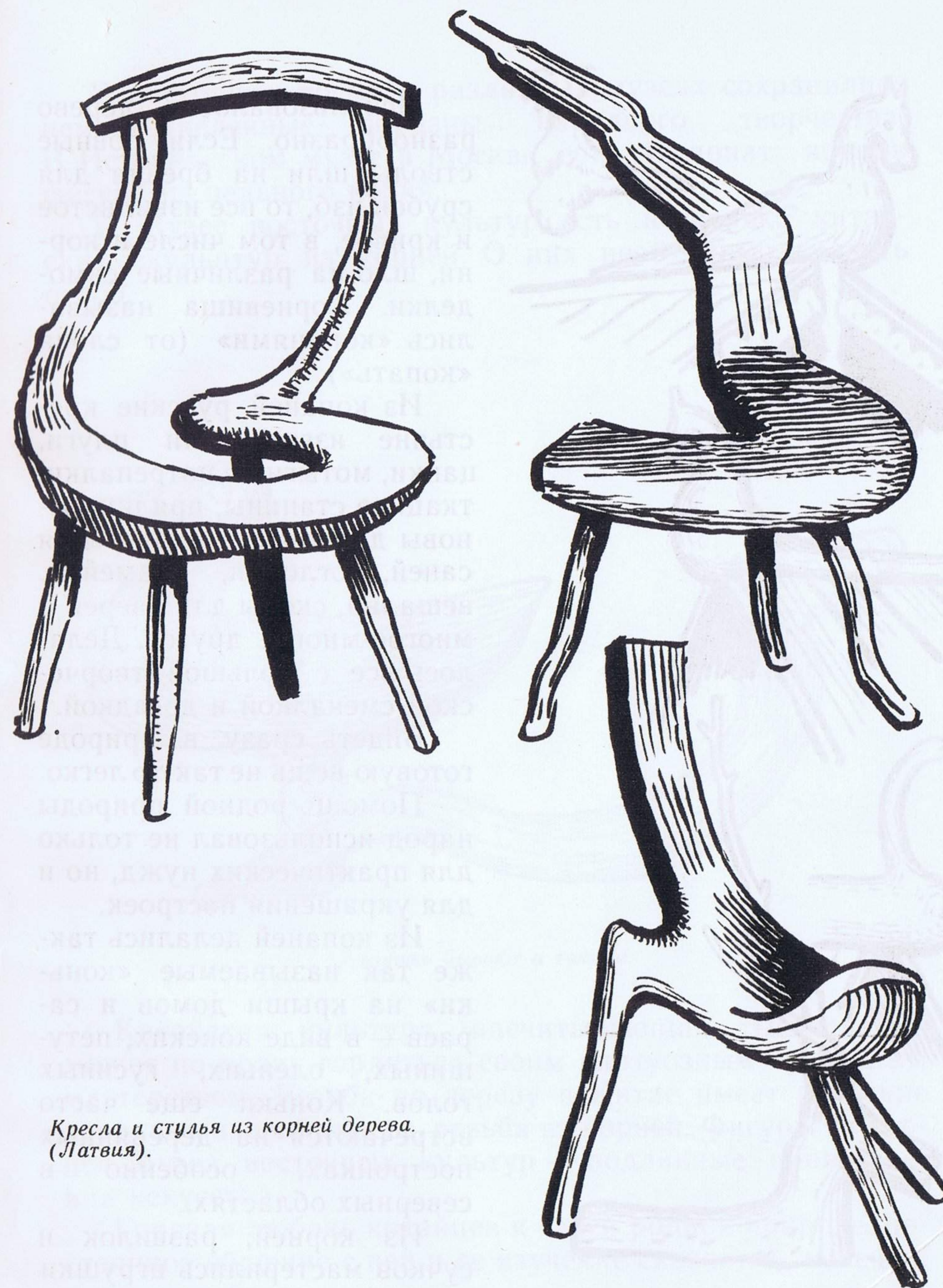
Все они восстановлены в их первоначальном виде. В жилой половине курной избы рыбака, среди суровой, скромной обстановки, разместились кустарные изделия предметов домашней утвари, сделанные целиком из корневищ, развилочек и изгибов дерева. Особенно любопытны стулья и кресла. В нескольких изгибах корневищ кустарь-крестьянин с большим остроумием находил почти готовую форму кресла или стула.

Вешалка.

Подобное использование так называемого «целоможного» дерева (обратите внимание на выразительность названия), существовало с давних пор и у нас на Руси.

Дерево всегда было для русского крестьянина одним из главных материалов как при постройке жилья, так и в иных трудовых и бытовых нуждах.

*Кресла и стулья из корней дерева.
(Латвия).*

Коньки.

Использовалось дерево разнообразно. Если ровные стволы шли на бревна для срубов изб, то все извилистое и кривое, в том числе и корни, шло на различные самоделки. Корневища назывались «копанями» (от слова «копать»).

Из копаней русские крестьяне изготавливали плуги, цапки, мотыги, льнотрепалки, ткацкие станины, прялки, основы для телег, полозья для саней, оглобли, скамейки, вешалки, скобы для дверей и многое-многое другое. Делалось все с большой творческой смекалкой и догадкой.

Видеть сразу в природе готовую вещь не так-то легко.

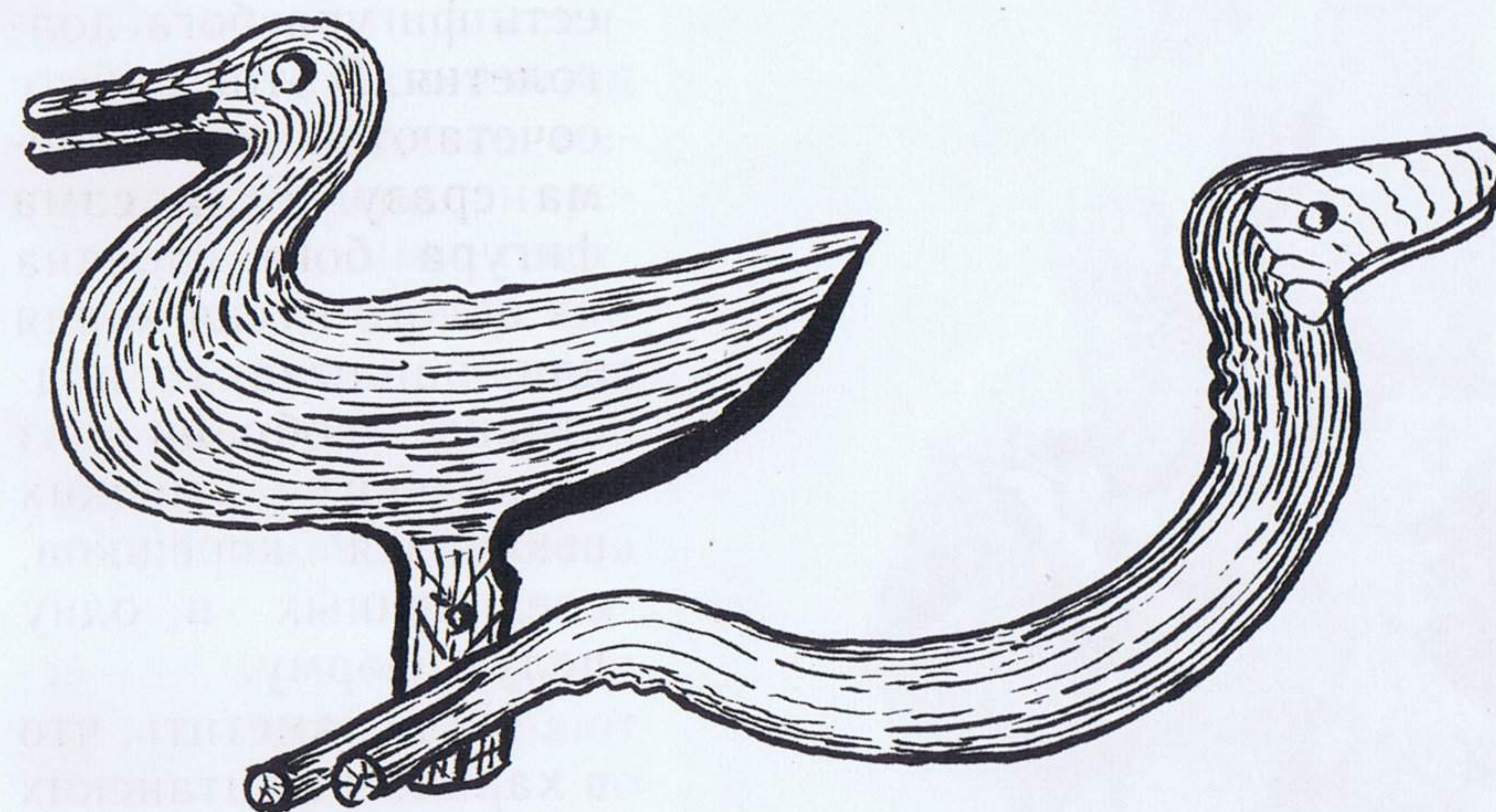
Помощь родной природы народ использовал не только для практических нужд, но и для украшения построек.

Из копаней делались также так называемые «коньки» на крыши домов и сараев — в виде конских, петушиных, оленьих, гусиных голов. Коньки еще часто встречаются на деревянных постройках, особенно в северных областях.

Из корней, развилок и сучков мастерились игрушки для детей: куклы, лошадки.

В настоящее время в различных музеях сохранились немногочисленные образцы народного творчества. В Историческом музее в Москве есть экспонат: конная фигура из цельного корня.

В Музее восточных культур есть несколько китайских скульптур из корней. О них необходимо сказать особо.

Коньки бывают и такими.

Китайская культура, насчитывающая тысячелетия, может по праву гордиться своим виртуозным кустарным мастерством. Резьба по дереву в Китае имеет глубокие традиции и, в частности, резьба из корней. Фигуры из корней Музея восточных культур — подлинные произведения искусства.

Горячая любовь китайцев к своей родной природе, постоянное общение с ней и ее изучение сказались, конечно, и в этих работах.

В них художник-резчик великолепно использовал пластику причудливой природной формы древесного корня.

Скульптор многое оставлял нетронутым и лишь дорабатывал некоторые места: голову, руки, ноги. Но приемы этого мастерства у китайцев весьма различны.

В фигуре бога долголетия, сидящего на олене, соединены несколько кусков воедино. Скульптор путем тщательного подбора создавал целое из частей.

В моей коллекции есть фигура бога долголетия. В этой работе сочетаются два приема сразу. Если сама фигура бога сделана из целого куска корня или наплыва, то подставка собрана из нескольких мелких вьющихся корешков, соединенных в одну целую форму.

Надо заметить, что в характере китайских скульптур из корней большую роль играет своеобразие многих пород китайских деревьев (в частности, употребляются удивительно фантастические корни бамбука, очень шишковатые, извилистые, бугристые).

Китайский бог долголетия.

С китайской растительностью перекликается в какой-то мере растительность нашего юга; деревья же средней полосы совершенно иные по своему характеру, более ровные и прямые.

Использование естественных красот дерева широко применялось и применяется при производстве мебели. Дерево нарезается тонкими слоями в виде фанер, на которых очень хорошо заметен его рисунок (текстура). Этой фанерой и обклеивается мебель. После полировки цвет и рисунок древесины бывают очень красивы, со сложной игрой волнистых линий, пятен и расплывов. Порой ее можно сравнить даже с фантастическими рисунками мрамора.

Итак, даже по немногочисленным и несколько случайным примерам мы видим, как широко и разнообразно использовалось «целоможное» дерево в народном кустарном творчестве.

Нельзя ли и нам по-своему продлить эти замечательные традиции народной смекалки и находчивости?

Еще бог долголетия.

ПЕРВАЯ НАХОДКА

Это получилось случайно. Устав после работы, я вышел прогуляться по лесной опушке. Утомленным глазам приятно смотреть на зеленое. Я машинально блуждал взглядом по траве, но вот почему-то мое внимание привлекли места недавних корчевок. В небольших котлованах среди комьев земли валялись обрубки и обломки былых вековых кряжей. Это были мелкие, случайно отломившиеся при корчевках корешки.

Я поднял один корешок наиболее замысловатой формы, повертел его в руках и так и сяк, и вдруг его очертания что-то мне напомнили.

Ба! Да это какая-то голенастая птица... Ну конечно, журавль! Длинная шея, закругленная грудь, тонкие, длинные ноги и даже хвост, который торчит почему-то стремительно вверх. Ну, да ничего — потом разберемся...

Я понес находку домой, по дороге очищая от тонкой коры. Легкая корочка отшелушивалась быстро, прямо ногтем, и под ней открылась чудесная золотисто-розовая поверхность древесины с едва заметными коричневыми прожилками.

Дома я окончательно убедился, что нашел журавля. Надо было только кое-что отрезать и кое-что добавить. Вскоре я подобрал и подставку для фигурки. Это был твердый древесный гриб почти круглой формы, который я отколол от поверхности старого пня.

Я приделал журавлю недостающий клюв из обрезков его же собственных длинных ног, отгладил поверхность фигурки твердой костяной палочкой (отчего журавль стал словно отполированным) и прикрепил на подставку-гриб.

Так родилась моя первая лесная скульптура, ставшая началом большой коллекции.

Журавль.

КРЫЛАТАЯ АНТИЛОПА

— Почему антилопа крылата? —
Часто слышать приходится мне.
— Я такой ее встретил когда-то
Наяву, а быть может, во сне.

Я возвращался домой задворками какой-то деревни. Вижу, на крыше маленького сарая лежат сухие березки, растопырив причудливые корни. Я подошел поближе. Один из корней показался интересным. «Ну, — думаю, — нашел!» И, хоть я не знал, что в нем для меня таится, все-таки решил взять его и тщательно рассмотреть дома. Но брать без спроса не хотелось.

У порога возле немудреного своего хозяйства сидела старушка и еловой шишкой чесала живот поросенку. Он, развалясь у ее ног, блаженно похрюкивал.

Спрашиваю:

— Бабушка, можно взять вон тот корень?

— Бери, родимый, коли нужно... А на что тебе этакая кикимора?

Я замялся.

— Хочу вырезать игрушку... у меня дочка...

— А... Ну бери, бери, — видимо не совсем понимая мой интерес к этому корню, добавила бабка.

Я взял корешок. Топориком отрубил суховатый ствол и медленно пошел по обочине дороги, рассматривая на ходу свою находку.

Кора легко отделилась от древесины. Корешок был сложной формы. Изгибы и очертания моего трофея словно что-то говорили мне, но что — понять сразу я не мог.

Только через несколько дней, еще раз внимательно рассмотрев корень в самых разных положениях, я увидел в нем черты какого-то животного на высоких ногах, с длинной шеей и чуть-чуть повернутой головой. «Не жираф ли это? — подумалось мне. — Нет, для жирафа шея слишком коротка и легка. Это антилопа». Сомнений больше не было.

Крылатая антилопа.

Я принялся обрабатывать корешок. Сначала очистил всю кору, стараясь не задеть ножом красивую коричневую поверхность самого дерева. Работал я с осторожностью, зная, что, если отрежешь лишнее, приделывать будет значительно труднее.

На спине у антилопы — три длинных отростка вроде крыльев. Срезать или оставить? «Лучше оставить, — решил я. — Пусть антилопа будет сказочной, крылатой. А то, что она трехнога и ноги толстые, как у слона, тоже не беда».

Доделывать пришлось немного. Вырезал уши из обрезков сучков и, просверлив дырочки на голове, вставил их, предварительно помазав концы клеем. По коричневой поверхности древесины прочистил ножом ряд круглых светлых пятен. Антилопа стала пятнистой.

На месте глаз, вырезав маленькие лунки, я укрепил круглые шарики из вара. Антилопа совсем ожила и смотрела на меня своими черными, блестящими глазами, слегка повернув голову на длинной, грациозной шее.

Затем я прогладил всю фигуру гладкой костяной палочкой — поверхность дерева слегка заблестела.

Крылатая антилопа вошла в компанию моих «лесных диковинок».

СТРАУС

Между рядами яблонь большого колхозного сада чернели борозды свежевспаханной земли, очевидно предназначенные для посадок.

Среди крупных комьев рыхлого чернозема виднелись обломки корешков какого-то кустарника.

Я решил пройтись — поискать, нет ли чего подходящего.

Вот тут-то я и нашел страуса, почти готового. Узловатая форма середки корешка напоминала тело, обломки — крылья и хвост, отростки побегов — ноги и

шее. Не было только головы. Я очистил от коры шею и ноги фигурки (у живого страуса они голые), а на туловище кору оставил. Ее пористость соответствовала рыхлому оперению страуса.

Дорабатывать фигурку почти не пришлось. Надо было лишь тщательно со щеткой промыть корешок в воде, чтобы в пороках коры не осталось песка и пыли.

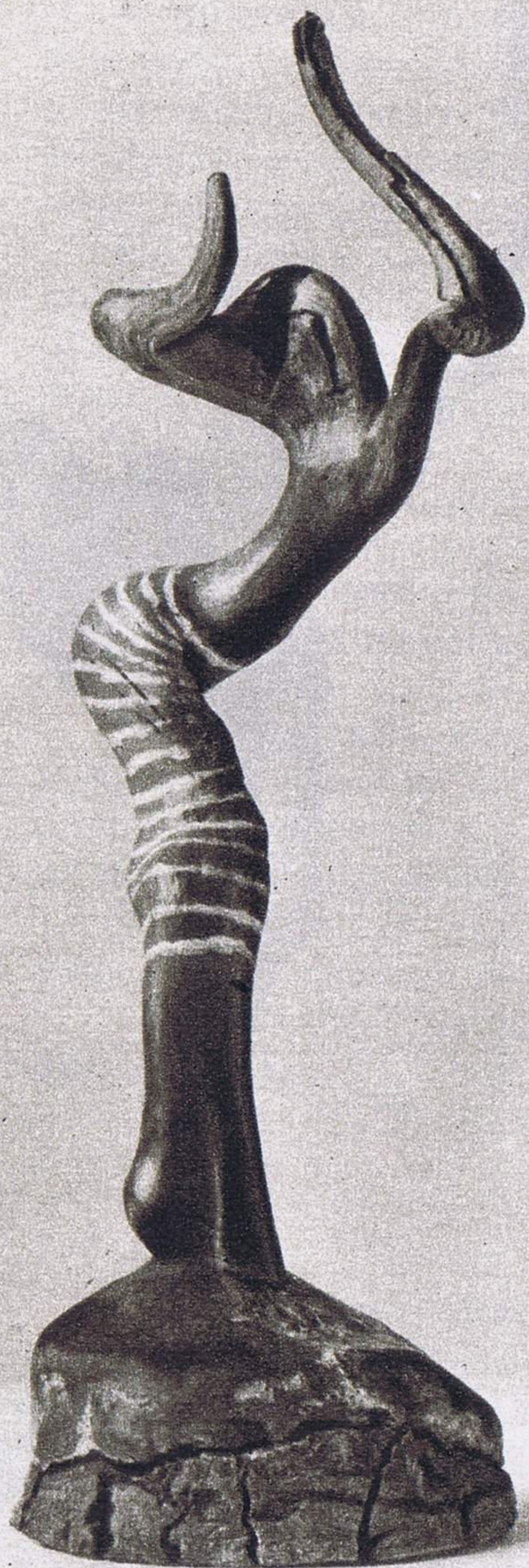
Голову для страуса я нашел легко. Приклеить ее тоже было нетрудно.

Чтобы подчеркнуть характерные черты страуса, длину ног и шеи я нарочно немного преувеличил.

Эту фигурку я укрепил на высушенном древесном грибе. Я натер палочкой только ноги и шею страуса, а тело покрыл раствором воска на скипидаре, чтобы придать ему более интенсивный цвет и некоторый блеск.

Страус.

Индийская танцовщица.

ИНДИЙСКАЯ ТАНЦОВЩИЦА

Пробираясь как-то с кочки на кочку по засохшему торфяному болоту среди множества старых, полусгнивших пеньков березняка, я увидел прямо у ног своих небольшой, совершенно без коры, посеревший от времени сучок. Он был довольно простой формы. Я поднял его, повертел в руках и думал уже бросить, как вдруг в голове промелькнуло: «Это танцовщица!»

Изгиб тела, движение рук — все было удивительно правдиво и точно. Совершенно без изменений (лишь укоротив немного руки) я приделал сучок на подставку-гриб. Фигурку танцовщицы на бедрах слегка раскрасил клеевыми красками: поперечные оранжевые полосы напоминали ткань. Волосы я наметил черной тушью. Древесина по цвету походила на смуглую кожу индуски. Полировать сучок пришлось немного; он и без того был гладкий и блестящий — так постаралась работать его сама природа.

ИСПАНСКИЙ БЫК

Захватив ножовку и топорик, я отправился на поиски, решив на этот раз осмотреть огромные выворотни, которые довольно часто встречаются в большом лесу.

Углубившись в чащу, я медленно шел по малонаезженной лесной дороге. Кругом — густое мелколесье.

Сквозь тонкие стволы частого ельника за листвою кустарника мелькнуло что-то темное.

«Наверное, выворотень», — решил я и уже направился было к цели, но не успел пройти и нескольких шагов, как черное пятно шевельнулось, поднялась крупная голова с настороженными ушами, блеснули испуганные большие глаза, и молодая самка лося, сделав крутой поворот всем телом, быстрой рысью бросилась в чащу, с изумительным проворством на полном ходу лавируя между частыми стволами ельника. Вот ее уже и нет... Лишь где-то в неведомых глубинах слышен легкий хруст валежника.

Мелькнула мысль: «Вот бы найти сучок для лося!»

Продолжая поиски, вскоре я увидел несколько кряжей сосен, выкорчеванных бурей.

Шквал, по-видимому, прошел полосой, потому что пни лежали один за другим в строгой последовательности.

С растопыренными корнями, обвешанными мхом и землей, они казались компанией каких-то сказочных существ, вставших на дыбы при появлении человека. Я начал осмотр.

Лишь один из всех однотипных выворотней показался мне любопытным. В нем корни оказались наиболее

Выворотни.

извилистыми, со всевозможными срастаниями и наростами. Чтобы рассмотреть выворотень подробнее, надо было очистить его от земли, покрывавшей все сплетения.

Я срубил палку, заточил ее конец в виде маленькой лопатки и начал отваливать землю. Компания лягушат, притаившаяся в прохладной тени под корнями, стремительно бросилась врассыпную. Одного прижало комом; он усиленно, но безуспешно ворочал лапками.

Взяв лягушонка за заднюю лапку, я отбросил его на траву и продолжал работать. Было интересно открывать всё новые и новые излучины, неожиданные повороты и сплетения корней. Некоторые из них довольно сильно подгнили и быстро ломались. Я внимательно осматривал каждый изгиб и выбрал себе самые интересные куски. Отрубить их топориком было довольно легко; кое-что отпилил ножовкой.

И вот, обвешанный «добычей», я ужедвигаюсь к дому — на сегодня достаточно. Дома, как всегда, я сделал предварительную сортировку находок, отбрасывая явно непригодное.

Два куса моих новых корней были особенно любопытны. Я легко снял с них тонкий слой коры, обнажив очень красивое бело-желтовато-розовое «тело».

Но, как бы ни поворачивал я эти находки, образ будущей скульптуры не намечался. Но в то же время в них что-то было; я это скорее чувствовал, чем видел.

Корешки я отложил в запас.

Долго они лежали бесплодно.

Однажды мой товарищ — охотник и зверолов, — случайно разглядывая один из корней, заметил:

— Кто это лежит? Не лось ли?

Почему-то тут же вспомнилась встреча с лосихой.

Я начал напряженно всматриваться в очертания корня, и подсказ товарища подтолкнул меня на правильное решение. Хоть это и не лось, но безусловно испанский бык, полулежащий, намеревающийся встать. Не хватало ему одной передней ноги.

Испанский бык.

Я с интересом принялся за работу. Хотелось поскорее увидеть «новорожденного».

Отыскивая корешок для ноги, я пересмотрел все свои запасы.

Наконец нога нашлась. Приделать рога, уши и хвост не так уж сложно. Но, конечно, для этого надо знать строение тела животного в деталях.

На шее быка была зарубина. (Когда отрубал корень, взял немного коротко.) Чтобы заделать впадину, я подобрал кусочек, подходящий по фактуре и цвету, и приклеил его на это место.

Вырезал быку копыта, из кусочков вара сделал ему черные глаза.

Полировать древесину, как обычно, костяной палочкой я не стал. Поверхность сучка была настолько красивой и так напоминала шелковистую шерсть быка, что я решил оставить ее нетронутой. Я просто натер фигурку щеткой, розовой краской подкрасил уши и пятна на голове — и вот испанский бык готов.

ЛОСЬ

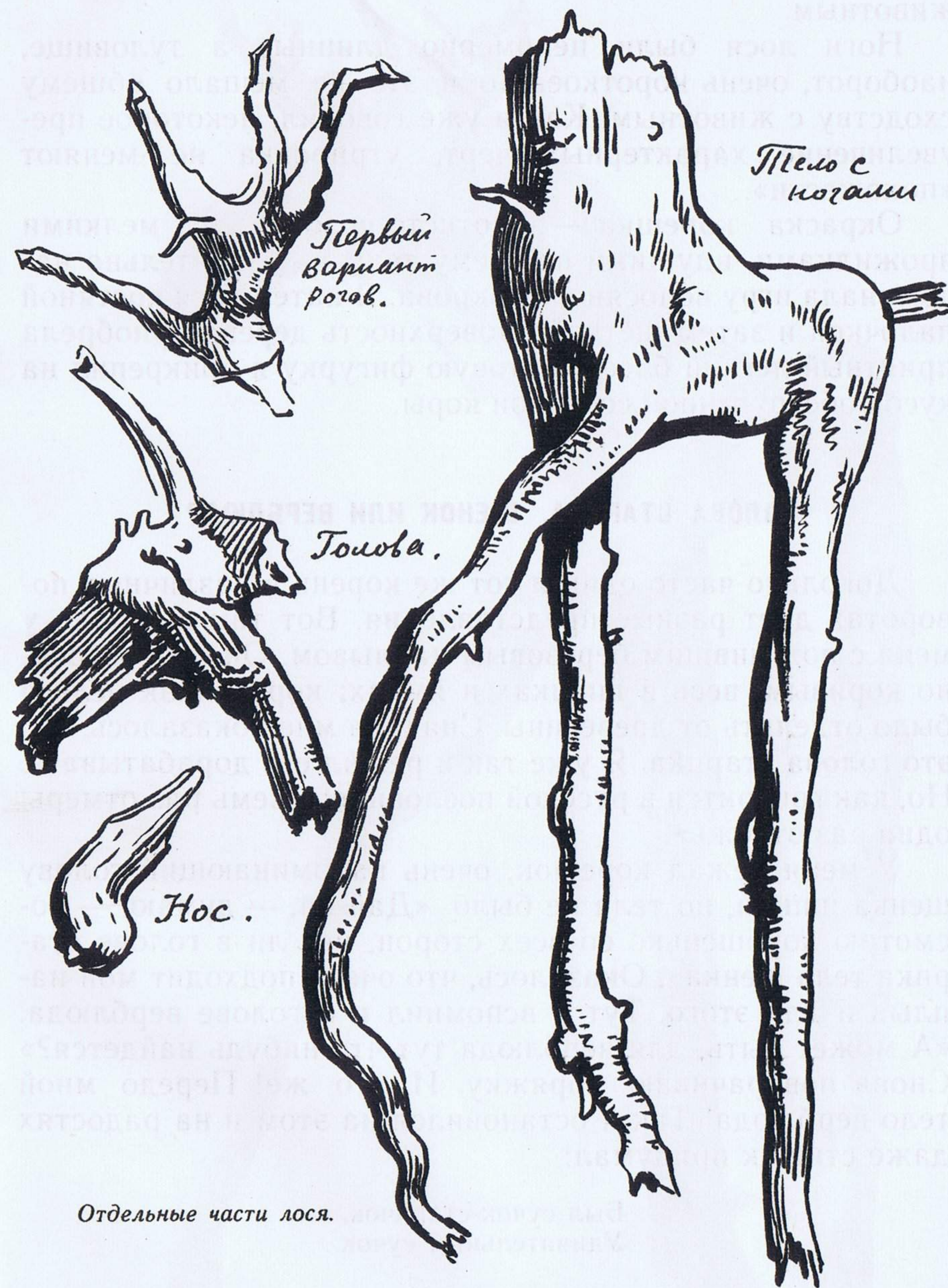
Давно мне хотелось «найти» лося... И он нашелся!

Поздней осенью, прогуливаясь по старинным аллеям одного подмосковного дома отдыха, среди золотого ковра кленовых листьев я заметил валяющийся корешок. У меня невольно вырвалось: «Лось!» И вот он уже в моих руках: короткое туловище, длинные ноги, массивная шея — всё очень похоже. Не хватало только головы.

Захватив с собой «находку», я стал искать голову и рога. Для этого потребовалось время.

Много обломков корней попадалось мне — и всё не то. Наконец попалась и голова, но, увы... верблюда. Я, конечно, ее взял: ведь и верблюд «родится» рано или поздно. Нашел огрызок сучка, напоминающий голову лося, но без массивной верхней губы. Пришлось отыскивать и приделывать губу. Найти рога было не так уж трудно. Разветвляющиеся корешки, напоминающие рога оленя или лося, встречаются довольно часто.

У лося было только три ноги — две передние и одна задняя. Тут я решил ничего не доделывать, оставил лося на трех ногах. Мне казалось, что этот недостаток

совершенно не мешает ему казаться четвероногим животным.

Ноги лося были непомерно длинные, а туловище, наоборот, очень короткое. Но и это не мешало общему сходству с животным. Как я уже говорил, некоторое преувеличение характерных черт, утрировка не меняют «похожести».

Окраска корешка — золотисто-розовая, с мелкими прожилками, идущими по всему телу, — удивительно напоминала игру волосяного покрова. Я натер лося костяной палочкой и затем щеткой. Поверхность дерева приобрела приятный легкий блеск. Готовую фигурку я прикрепил на кусок обструганной сосновой коры.

ГОЛОВА СТАРИКА, ЩЕНОК ИЛИ ВЕРБЛЮД?

Довольно часто один и тот же корень в различных поворотах дает разные представления. Вот так и вышло у меня с подгнившим березовым наплывом. Он был особенно корявым, весь в шишках и ямках; кору никак нельзя было отделить от древесины. Сначала мне показалось, что это голова старика. Я уже так и решил его дорабатывать. Но, как говорится в русской пословице: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

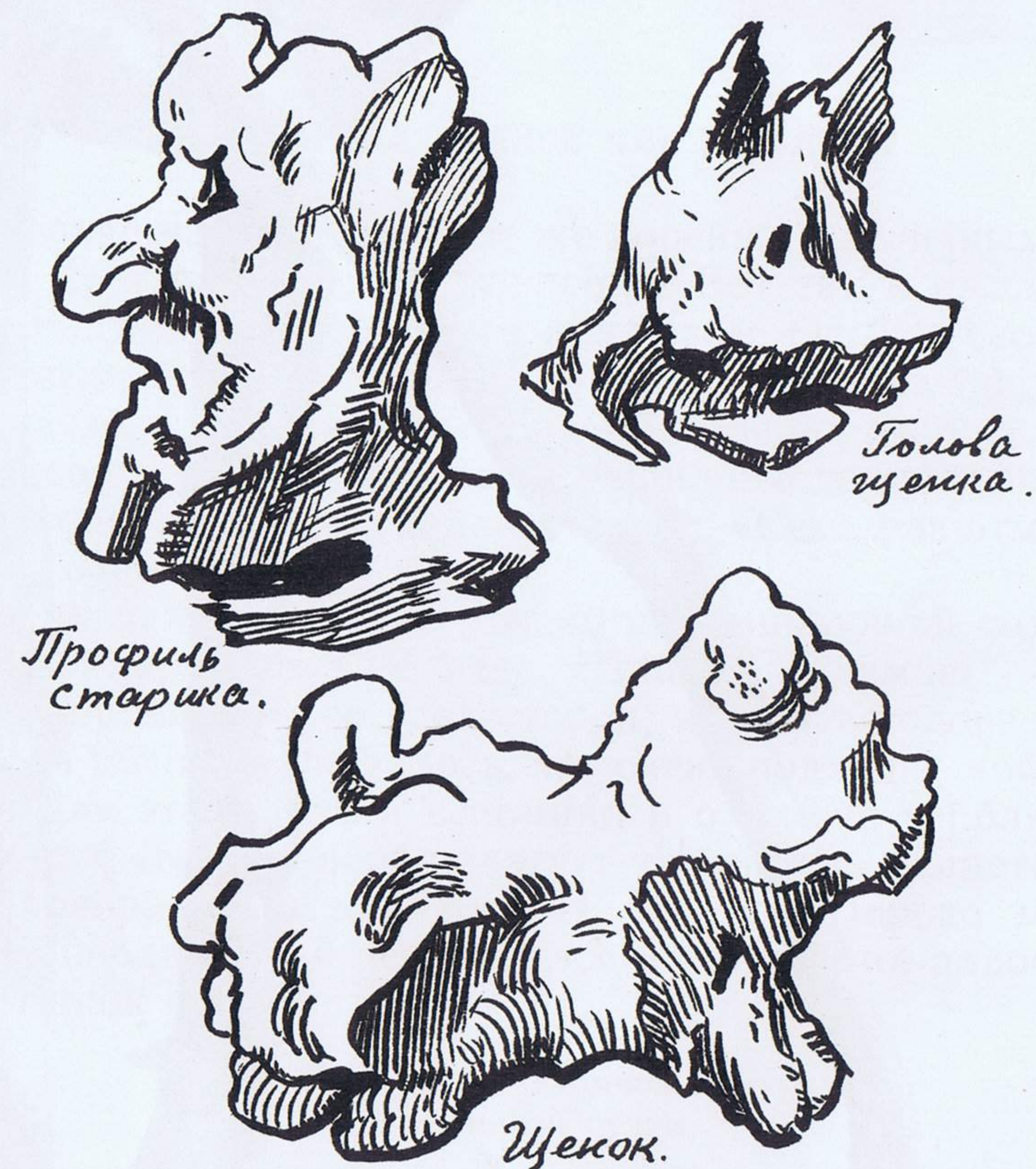
У меня лежал корешок, очень напоминающий голову щенка шпица, но тела не было. «Дай-ка, — думаю, — посмотрю хорошенько со всех сторон, нет ли в голове старика тела щенка». Оказалось, что очень подходит мой наплыв и для этого. Тут я вспомнил и о голове верблюда. «А может быть, для верблюда тут что-нибудь найдется?» Снова поворачиваю коряжку. И что же! Передо мной тело верблюда! Так и остановился на этом и на радостях даже стишок придумал:

Был сучок-старичок,
Удивительный сучок.

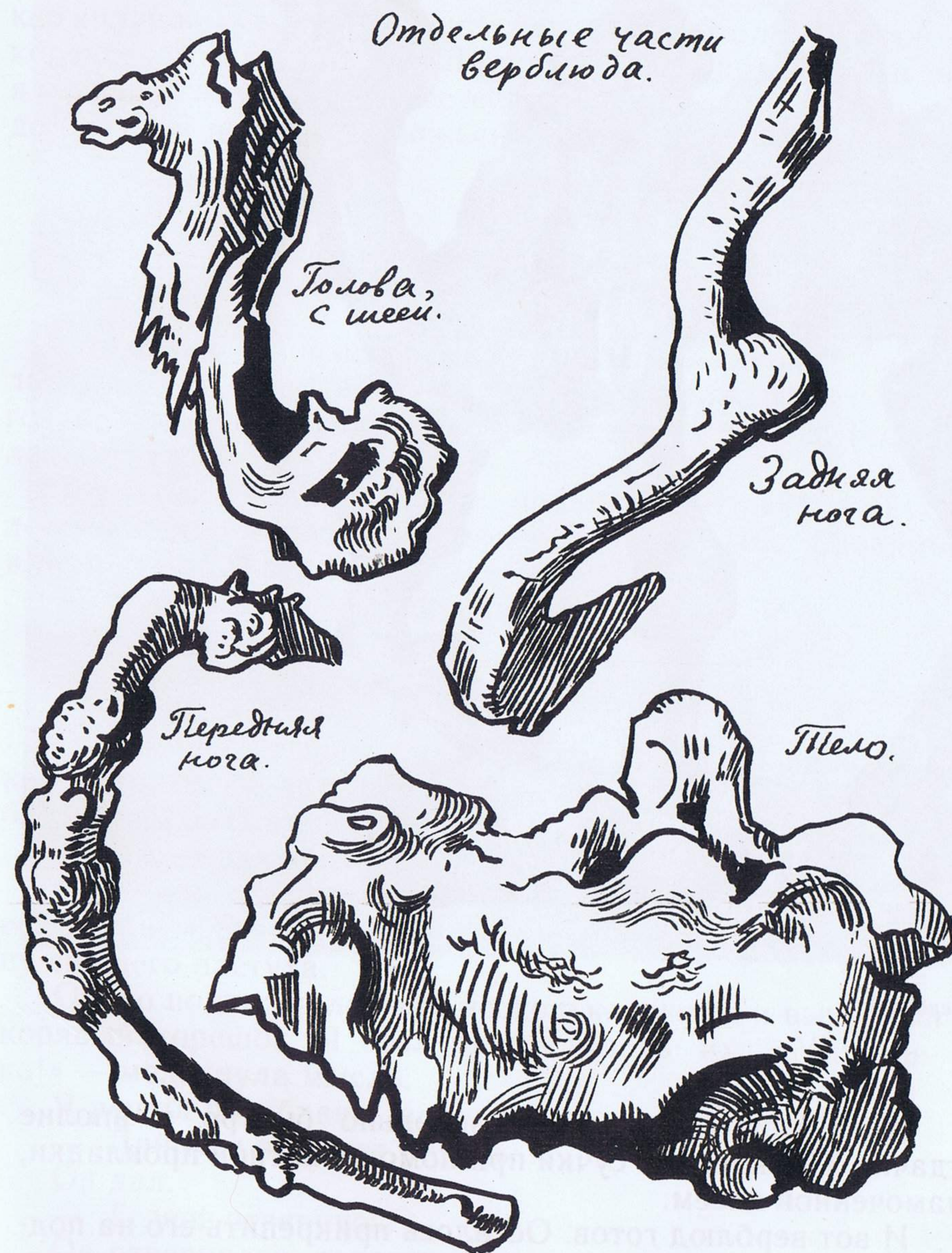

Повернул его слегка —
 Превратился он в щенка.
 Повернул еще — о чудо! —
 Я в руках держу верблюда.

Не хватало верблюду еще ног и нижней половины шеи.
 Начинаю просматривать запасы, чтобы подобрать недостающее. Такие просмотры сами по себе очень увлекательны. Формы корней бесконечно разнообразны. Перебирая и примеривая их, обычно находишь десятки самых неожиданных, порой даже смешных сочетаний.

Я вертел эти корешки и так и сяк...

Отдельные части верблюда.

Верблюд.

Ноги и шею я подобрал довольно быстро и вполне удачно. Приклеивал сучки при помощи ватной прокладки, намоченной клеем.

И вот верблюд готов. Осталось прикрепить его на подставку, для чего я использовал тонкий срез от старого пня. Сначала я думал фигурку проолифить, чтобы закрепить

подгнившие места, но, сделав пробу на отдельном обломке гнилушки, увидел, что она становится от олифы темно-коричневого цвета, не характерного для верблюда. Тогда я оставил гнилушку в ее естественной окраске: это гораздо ближе к цвету верблюжьей шерсти.

МАРТЫШКА БЕЗ ОЧКОВ

Стадо коров расположилось на полдень. Пастух прилег отдохнуть неподалеку в леске. Подпасок сидел на луговине и что-то сосредоточенно вырезал из дерева. Рядом лежал футбольный мяч.

Я подошел к пареньку. Он поднял на меня свое круглое пунцово-розовое лицо с совершенно белыми бровями и ресницами. Мы поздоровались.

— Что делаешь? — спрашиваю.

— Шахматы.

— С кем же ты играешь?

— С собой.

Шахматы он вырезал из обломков валежника и корешков, которые, по-видимому, собрал тут же, где-нибудь поблизости. Шахматы его получались весьма упрощенными.

— А мяч для чего тебе? — снова спросил я.

— А мы с дядей Григорием, как свободное время есть, играем. Он в воротах, а я бью... — кивнул он в сторону спящего пастуха.

Около подпаса лежали несколько сучков и вычурный корявый корешок. Я стал разглядывать их. «Мартышка!» — мелькнула мысль.

Я решил позабавить парня:

— Дай мне вот этот корень...

Он дал.

— Теперь отвернись.

Он отвернулся, недоверчиво взглянув на меня.

Я быстро отрезал его же ножом все лишнее.

Мартышка без очков

— Раз, два, три!..
Все готово. Смотри!..

В руках моих был уже не корень, а мартышка.

— Обезьяна! — узнал пастушок улыбаясь. — Как же это у тебя получилось? — недоумевал он, взяв мартышку в руки и долго разглядывая ее почти в упор.

В это время сипловатый басок окликнул его:

— Вовка, вороти телку!..

То кричал пастух.

Вовка отдал мне обезьяну и помчался за телкой, на ходу придерживая огромный кнут. Я с мартышкой направился домой.

Этот корешок был необыкновенным. Естественный откол дерева создавал впечатление лица обезьяны. Форма головы, туловище, руки — всё на месте. Доделывать пришлось немного: чуть-чуть тронуть черты лица, приклеить хвост, обточить ноги.

Сначала я думал, не сделать ли мне «Мартышку и очки» по Крылову. Но ведь мастерить очки надо из проволоки... А введение инородного материала мне казалось тут излишним. И осталась мартышка без очков.

Вся поверхность корешка, коричневато-буроватого цвета, шероховатая, очень напоминала мех обезьяны; поэтому корешок я не очищал совсем и оставил в естественном виде, даже не тронув раствором воска.

Подставку к обезьянке я сделал из коры подходящего цвета.

ЗАЯЦ ИЛИ ОБЕЗЬЯНА?

Нашел я корешок: в одном положении заяц, в другом — обезьяна. Обезьяна у меня уже была, надо делать зайца.

Фигура прыгающего зайца вырисовывалась довольно четко — дорабатывать пришлось немного. Пожалуй, самое трудное дело было прикрепить его на подставку так,

Заяц.

чтобы движение — прыжок — было максимально показано. Я перебрал великое множество всяких обрезков и обломков дерева, сухих древесных грибов, пока не нашел подходящей подставки, подчеркивающей движение зайца.

Подходящим оказался короткий обрубок толстого сучка сосны. Я прикрепил к нему зайца задними ногами так, чтобы передние были выброшены далеко вперед. Создавалось впечатление сильного скачка.

Я покрыл фигурку легким раствором воска на скипидаре, а когда скипидар улетучился, натер щеткой.

Глаза зайцу я приделал стеклянные — они продаются в зоомагазинах для чучел.

СТАРАЯ ЛЕДИ И БУДУЩИЙ БОГАТЫРЬ

Бывают и такие случаи. Я шел по полянке, не думая ничего искать. Под ногами что-то хрустнуло. Вижу — гнилушка. Я машинально поднял ее, хотел уже бросить, но что-то остановило меня.

Я начал разглядывать гнилушку. Она явно напоминала профиль старухи с высокой старомодной прической. «Что ж, — думаю, — надо взять, а там посмотрим». Каково же было мое удивление, когда через несколько шагов я нашел второй подобный осколок, но уже изображающий плечи, шею и грудь, как раз для этой самой старухи.

Я сложил обе части — полное совпадение! Будто сделаны друг для друга.

Старая леди.

Из корня получится богатырь.

Гнилушки я склеил и пропитал олифой. Они приобрели темно-коричневый цвет.

Занятой оказалась и вторая находка. Это был корень акации, в некоторых местах совершенно выгнивший. Промыв его водой и щеткой, после долгого рассматривания я обнаружил в нем всадника на коне. Такая находка целой групповой скульптуры — большая редкость.

Пока корень лежит у меня «на очереди». Привожу его в книге в нетронутом виде, а рядом показываю, что можно из него сделать.

ДОН-КИХОТ И САНЧО ПАНСА

Все мои скульптуры из корней родились в лесу. Лес дал им форму, которую заметил мой глаз и дополнило воображение. Дорабатывать их (уже дома) надо было в большей или меньшей степени. Самым сложным был верблюд, которого я сделал примерно из пяти отдельных частей. Одним словом, пока что сами находки рождали во мне замысел будущей скульптуры. Но вот появилась мысль сделать большую скульптуру из корней по заранее задуманному образу — может быть, какого-нибудь литературного героя.

Выбор пал на Дон-Кихота. Этот Рыцарь печального образа с детства был одним из любимых мной. Когда я представил его сделанным из корней, мосластых, бугристых, извилистых, то мне показалось, что для Дон-Кихота с его Росинантом это очень подходящий материал. Я только опасался, что будет трудно найти все части и связать их в одно целое.

И вот я поехал на поиски — на места корчевок. Мне посчастливилось. В стороне от одного из уединенных шоссе я обнаружил целые навалы корней (там проводилась электролиния).

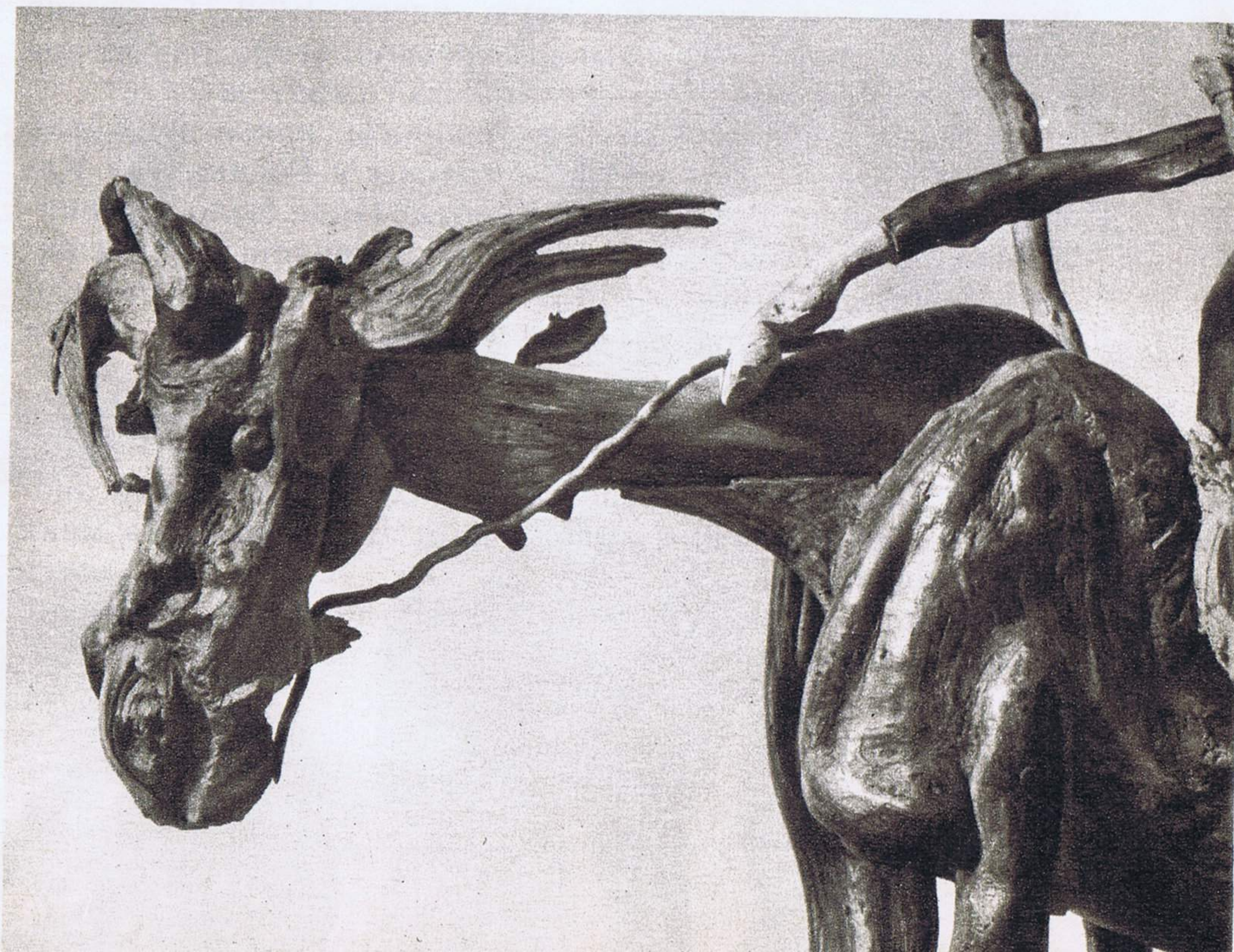
Оставив машину на обочине шоссе, взяв с собой ножовку и топорик, я направился на «охоту». На тщательный осмотр корней просто не было времени, да и трудно было сообразить сразу, что может пойти в дело.

Вокруг меня в бесконечном разнообразии громоздились буровато-серые корни, хорошо обмытые и обветренные, так что земли на них почти не было. Это облегчало осмотр. Но глаза разбегались, хотелось поскорее все оглядеть.

Я срубал и отпиливал все наиболее интересное. Трофеи набирались необыкновенно быстро. Больших корней не брал — места в машине не так уж много.

В мастерской не менее трех дней рассматривал я свои лесные находки. Что же оказалось? Из одной этой поездки я привез почти все необходимое для Дон-Кихота и Росинанта.

Росинант. Фрагмент.

Но самое трудное было еще впереди. Даже очень удачные отдельные части не сразу соединялись между собой, а соединять их надо было с большой осторожностью.

Ведь когда приходилось отрезать лишней конец или вырезать углубление, можно было и испортить сучок.

По ходу работы постоянно требовались «заплатки» для заделки различных случайных впадин и выемок.

Мне казалось иногда, что я конструирую какую-то сложную машину. В прилаживании одной части к другой необходимо, помимо соответствия, соблюдать ту общность и цельность, без которых невозможно создать ни одно произведение искусства.

Это была поистине настоящая головоломка — перебрать пришлось сотни промежуточных деталей.

Главные части я скрепил крепкими деревянными (из бука) штырями, для чего предварительно дрелью или буравчиком проворачивал в соответствующих местах дырки. Между частями я почти всегда делал тонкую ватную прокладку, обильно смоченную клеем БФ2. Соединив части, я их накрепко связывал веревкой, чтобы они лучше склеились. Так шел этот своеобразный «монтаж».

По ходу работы возникали вопросы: какое движение придать ногам? Какой наклон головы у Росинанта? Какую позу придать рукам Дон-Кихота? Надо было постоянно воображать мою скульптуру законченной, как бы видеть перед собой необходимый для такой работы нарисованный заранее эскиз. Но я довольствовался одним воображением, делал все начисто, не представляя четко окончательного результата.

Но, конечно, мой образ Дон-Кихота не рождался из ничего. Классический портрет Дон-Кихота, сделанный знаменитым французским художником Доре, был для меня отправной точкой.

Так как скульптура получалась довольно большая, то надо было подыскать к ней и соответствующую подставку.

...Сильный ливень, по-видимому, зарядил надолго. Все небо кругом обложено — ни единого просвета. Я ехал на «Победе» по проселочной дороге. Шофер искусно выкруливал, чтобы не попасть в угрожающие, полные воды колдобины.

Едем мимо какого-то дровяного склада. Вижу — среди дров лежат несколько сосновых бревен. На одном из них — огромный наплыв. Решил: «Возьму с собой. Вот и подставка!» Но как это сделать? Пилы под руками нет, склад закрыт.

Неподалеку видны какие-то строения. Подъехали. Зайдя в один из домов, спрашиваю у какой-то женщины:

— Где найти хозяина дровяного склада?

— Идите в контору, вон там... — И женщина указала в окно.

Шлепая по грязи, под проливным дождем, ринулся к конторе. Директора не оказалось: уехал в Москву. Едва разыскал завхоза.

Когда я попросил отдать мне наплыв с сосны, завхоз посмотрел на меня несколько встревоженно:

— Ну, а как вы его возьмете? Там пилить надо... Да вам, собственно, зачем?

Дело затягивалось; надо было найти убедительный ответ.

— Я из наплывов портсигары делаю.

Завхоз оживился:

— Хорошо, берите. А пила-то есть у вас?

— Есть ножовка...

— Ножовкой тут делать нечего... Афанасий, — сказал он одному из рабочих, окруживших нас, — возьми двуручную пилу, поди помоги...

Я поблагодарил его, и вместе с Афанасием мы направились на дровяной склад.

Дождь стал утихать.

Шофер с Афанасием отпилили наплыв. Он был громадный — килограммов на пятьдесят.

Дон-Кихот и Санчо Панса.

Как использовать этот наплыв?

Мы водрузили его на заднее сиденье машины и тронулись в путь. Прохожие с удивлением поглядывали на странного «пассажира», развалившегося в машине.

Уже в мастерской я долго примеривал мою новую находку ко всей фигуре. Но, как бы я ни вертел наплыв, как бы мысленно ни «отпиливал» его в разных местах, решения не находилось. Наплыв ко всей фигуре не подошел. Его шарообразность никак не вязалась с корявыми формами всей остальной скульптуры. Надо было искать что-то еще — это после-то таких усилий и хлопот!

Работа над Дон-Кихотом была в полном разгаре. Фигуры Росинанта и Дон-Кихота постепенно собрались. Дело было за подставкой; из-за этого задерживалась работа над скульптурой — без подставки ее трудно представить себе в целом.

У меня в мастерской давно лежал пень «без дела» — большой березовый комель с вычурными наплывами с разных сторон. Начал примеривать его и подогнал так удачно, как будто бы он был нарочно сделан для этого.

Хотя все уже было решено и осталось только собрать фигуру, работа шла медленно.

Бывали и такие случаи: просматривая запасы корней, я вдруг обнаружил заднюю ногу Росинанта почти в готовом виде, значительно более выразительную, чем уже сделанная нога.

Решаюсь на сложную операцию. «Ампутировать! —

командую сам себе. — Прирастить!» И операция совершена.

Но вот подготовлены все части, вплоть до мелочей. Все тщательно подобрано, многое уже склеено, и казалось, что дело идет к концу. Но вышло не совсем так. До самого конца работы возникали какие-то вставки и замены. Так, я решил по-другому сделать лицо Дон-Кихота, то есть, по существу, самое главное. Почти нетронутый темно-коричневый сучок, который был до сего времени лицом Дон-Кихота, я заменил светлым сучком, доработанным ножом. В новом лице я обострил и сделал более выразительными портретные черты образа.

Наконец, приготовив все детали, я окончательно собрал скульптуру воедино.

Так же я сделал Санчо Панса и осла.

Санчо Панса и ослик

IV. ПО СЛЕДАМ „ЧУВЕЛЕЙ“

В самом начале моего увлечения корнями я совершенно случайно узнал, что есть большой энтузиаст этого дела, инженер по профессии, создавший огромную интересную коллекцию. Товарищ, который рассказал мне об этом, был сам у этого инженера, но забыл его фамилию и смог только рассказать, как к нему пройти. Собираясь я пойти к этому моему соратнику не год, не два, а может быть, целых три.

Но вот наконец я в походе. Нашел парадное, затем, как мне было сказано, дверь. Звоню. Приоткрывает дверь какая-то женщина. Через цепочку спрашивает:

— Вам кого?

— Не тут ли живет инженер, который корни... из древесных корней что-то делает?

Женщина недоверчиво взглянула на меня, продолжая держать дверь на цепочке.

— Это старичок Чувеляев? Он умер в прошлом году, а вскоре умерла и его жена...

Женщина уже хотела захлопнуть дверь.

— Простите! — остановил я ее. — А не знаете ли вы, где все его работы из дерева?

Женщина с явным раздражением буркнула:

— Не знаю... Всё увезли куда-то, кажется, его родные... — и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Я был огорчен и озадачен. Хорошо, что хоть фамилию-то его узнал. Теперь надо начинать поиски коллекции покойного инженера Чувеляева.

Направляюсь в адресное бюро. Тут Чувеляевых вообще не оказалось. Явилось предположение: может быть, коллекцию увезли родные его жены? Тогда ведь и фамилия другая.

Следы обрывались в самом начале поисков...

Что предпринять, как искать дальше? Может быть, Чувеляев публиковал в печати что-нибудь о своей коллекции? Если так, то, пожалуй, скорее в печати для детей... Я вспомнил, что когда-то видел что-то подобное в детском журнале.

Сев к телефону, я начал звонить в редакции и довольно быстро попал на след.

В журнале «Пионер» мне ответили, что заметка о работе из корней была опубликована лет семь назад. Тогда я попросил разрешения пересмотреть все комплекты «Пионера» за последние несколько лет.

Это была нудная работа. Запестрели страницы за страницами, месяц за месяцем, год за годом. Но мое старание было вознаграждено: на одном из разворотов журнала за 1933 год я увидел очертания корешков.

Но статья была подписана не Чувеляевым, а Кучумовым. Кто это такой? Придется познакомиться с Кучумовым.

Надо его искать. В редакции документов с адресами не сохранилось. Под фотографиями корней была подпись: «Фото Х.». Я знал, что Х. — ныне известный фотограф.

Вскоре я уже звонил к Х. Рассказал ему о своих поисках и затруднениях и спросил, нет ли у него адреса Кучумова. Фотограф любезно обещал мне найти его. Через некоторое время адрес был в моих руках.

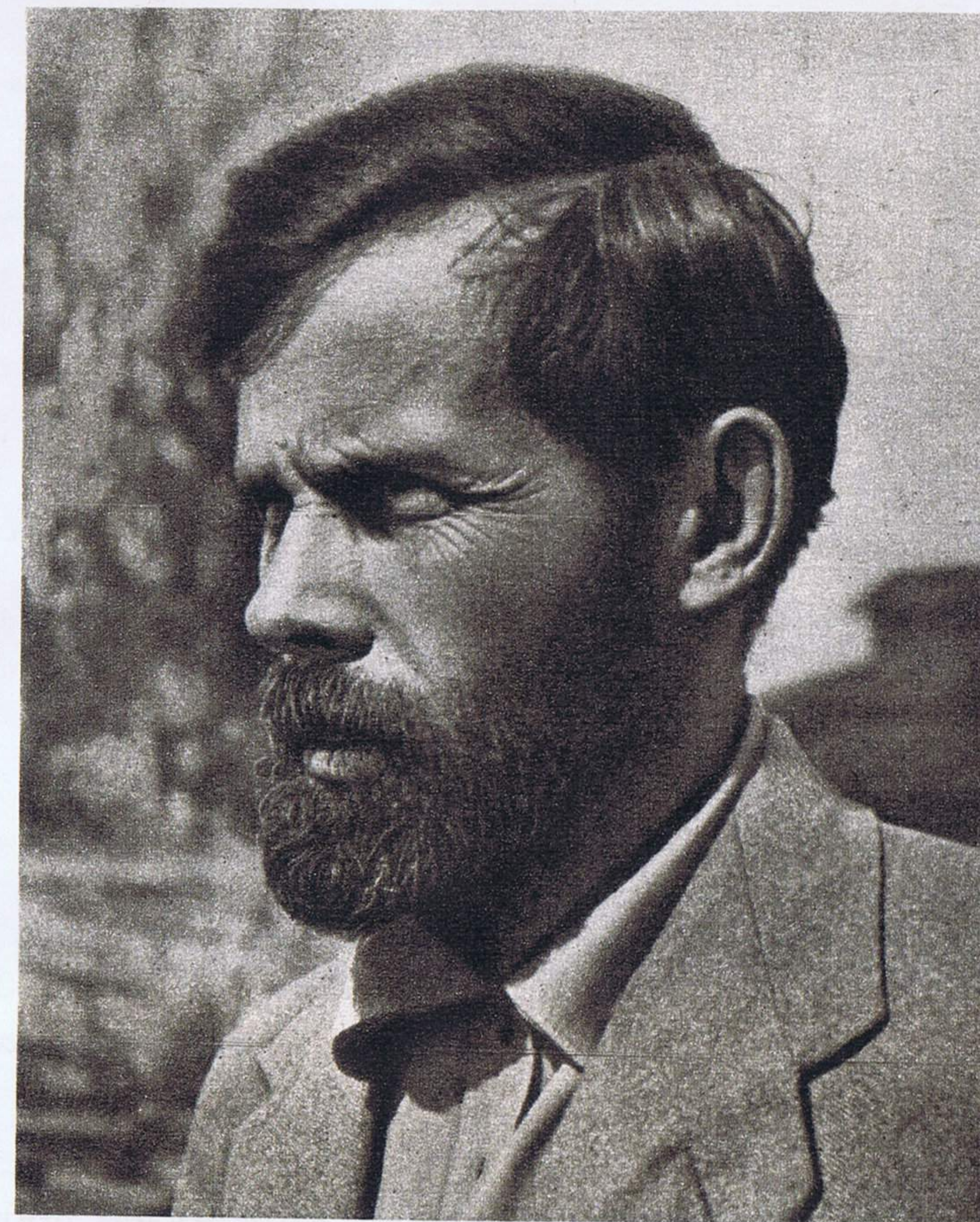
Нахожу улицу; вижу уже знакомый дом, стучусь в квартиру — ту самую, где перед моим носом не так давно захлопнулась дверь. Это квартира Чувеляева! Дело приобретало загадочный оборот. Что за совпадение? Случайности тут быть не могло: либо Кучумов сосед Чувеляева, что показалось мне не очень-то вероятным, либо Кучумов и Чувеляев одно лицо. Ведь существуют же псевдонимы! Последнее предположение окрылило меня. И вот я снова в адресном бюро. Кучумовых оказалось несколько. Я переписал адреса и, вооружившись терпением, стал объезжать их и надоедать совершенно незнакомым людям моими расспросами.

Одни из Кучумовых неожиданно оказались дальними родственниками Чувеляева и сообщили мне, что у него есть замужняя сестра, и даже любезно дали мне ее адрес, но о заметке в «Пионере» они никакого представления не имели.

Так мне удалось познакомиться с родной сестрой Чувеляева. От нее я узнал многое.

Федор Куприянович Чувеляев был инженером-лесо-дом. Он страстно любил природу и особенно лес. Все свободное время он посвящал странствованиям по лесам, собиранию корешков и обработке их. Делал он это с большой любовью и мастерством. Постепенно у него набралась целая коллекция лесных диковинок, которые он нежно называл «чувелями». После смерти Чувеляева коллекция осталась у родных.

Федор Куприянович давал заметки в журналы, подписываясь «Кучумов» — по фамилии матери (вот она,

Федор Куприянович Чувеляев.

разгадка!), показывал «чувелей» в соответствующих организациях, чтобы превратить свое узкое любительство в общепольное увлекательное занятие.

В свое время в деревне Взвоз, возле города Семенова, он организовал среди местной молодежи специальные бригады по сбору этих лесных ценностей. Даже некоторые кустари-резчики стали увлекаться этим. О Чувеляеве писали в местных газетах; в Семеновском музее до сих пор находятся плоды его увлекательного мастерства.

Федор Куприянович с ребятами.

Мне захотелось побывать в этом музее, побеседовать с людьми, знавшими Федора Куприяновича.

Основная коллекция «чувелей» сохранялась в семье второй сестры Чувеляева, которая жила в Егорьевске.

Через несколько дней я ехал в Егорьевск.

Стоял октябрь — ясный и светлый. За окном машины тянулась нескончаемая панорама розовато-золотистых лесов и перелесков Подмосковья.

В середине пути я остановил машину среди леса. Вышел на полянку поразмяться.

Нити светлых паутин летали по воздуху, тут и там лоснились на солнце маслята.

Я сел на ствол огромного выворотня, облокотился на изгиб мощного корня. Как удобно отдыхать на таком кресле!

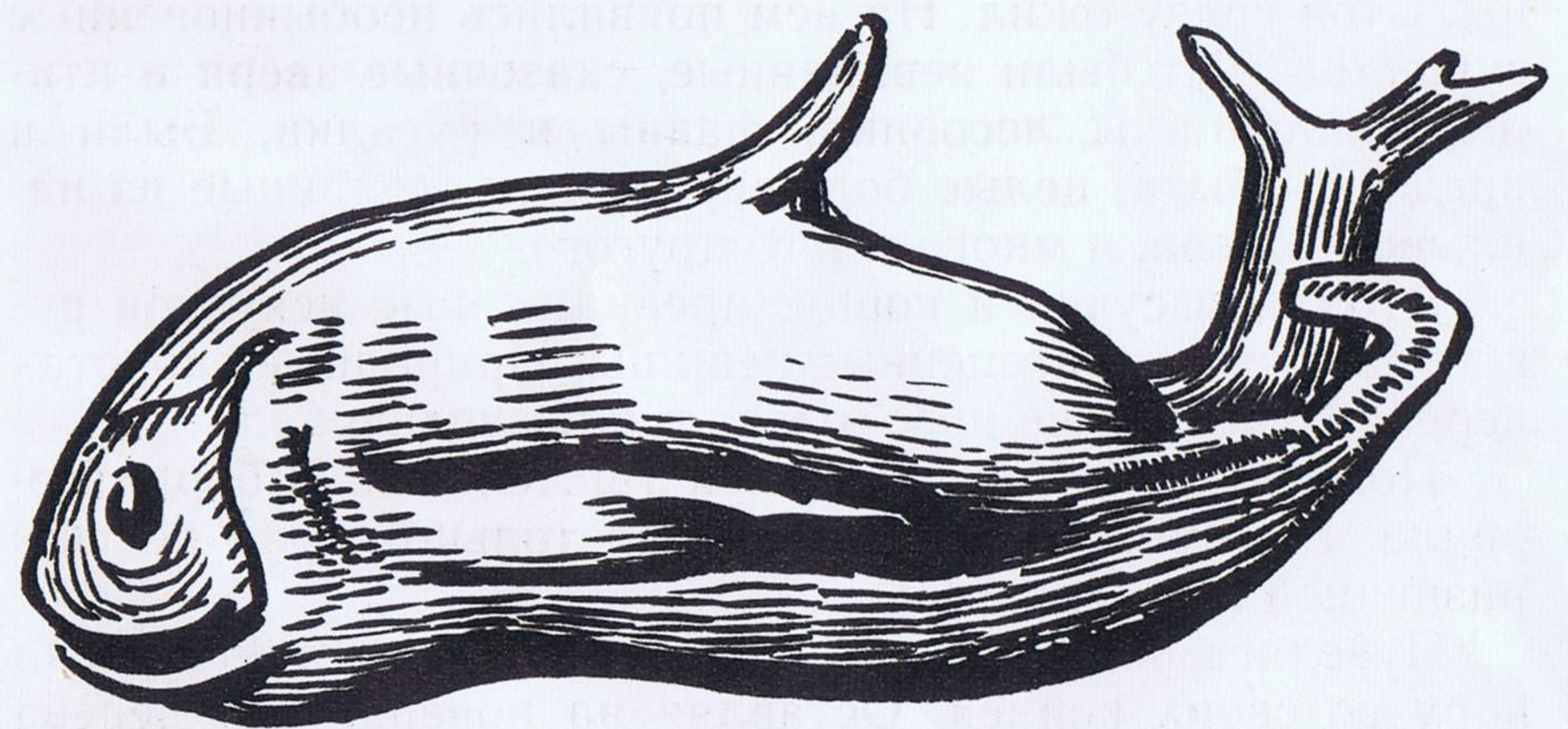
Около дороги стояла старая черемуха. Ее ствол и сучья были сильно изуродованы. Всюду следы многолетних увечий — следы человеческих рук.

Каждую весну проезжие и прохожие обламывают ее на букеты. Чтобы сорвать цветущую веточку, нагибают и ломают огромные сучья. Но время залечивало раны. Черемуха росла и все-таки продолжала радовать глаз.

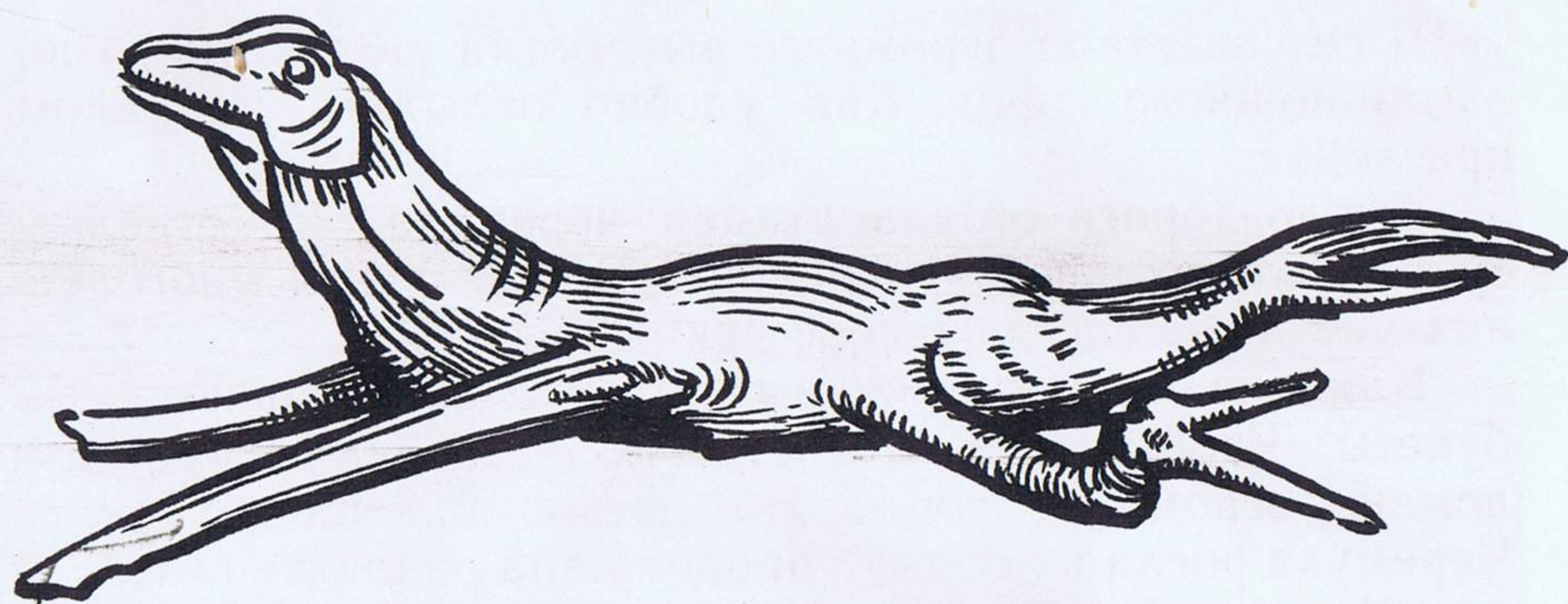
«Послушай, гражданин! — хотелось обратиться мне к неведомому человеку с холодным, зачерствелым сердцем. — Понимаешь ли ты, что сделал? Ты не сберег, оскорбил то, что получил в дар как любовь и ласку самой матери-природы...»

Но время ехать дальше. Солнце было на исходе. Стояла необыкновенная тишина, и лишь дятел дробно постукивал где-то о сухой сук.

Подъезжая к Егорьевску, я заранее готовился объяснить поудачнее цель своего приезда. Но, как бы я ни прикидывал в уме, на деле все оказалось значительно сложнее.

Рыба. Работа Чувеляева.

Ящерица. Работа Чувеляева.

Муж сестры Федора Куприяновича встретил меня недоверчиво. Мне даже пришлось предъявить паспорт, напомнить о моих книгах и иллюстрациях. Но этого было недостаточно.

Тогда я попытался рассказать ему о моем увлечении.

Постепенно недоверие ко мне ослабло. Мне показали всю коллекцию Чувеляева. Из двух больших сундуков на широкий обеденный стол хозяин стал любовно (мне было приятно это почувствовать) выкладывать лесные диковины. Стол сразу ожил. На нем появились необыкновенные существа. Тут были невиданные, сказочные звери и птицы, танцовщицы, лесовики, фавны и русалки. Были и предметы быта, целые большие блюда, сделанные из наплывов дерева, и много-много другого.

Это были сучки и корни, превращенные искусной рукой мастера в драгоценные вещицы. Природные свойства дерева Чувеляев не преодолевал, а возвеличивал.

Помимо этого, чувствовался тщательный отбор материала. Видимо, художник собирал только корни безукоризненной сохранности.

Чувеляев всегда с предельной осторожностью снимал кору со своих корней. Оставляя на поверхности дерева каждый бугорок или выемку, он полировал его особым

сухим способом, натирая костяной палочкой. Дерево приобретало вид слоновой кости.

Федор Куприянович не допускал сочетания нескольких сучков в одно целое, составления фигурок из частей, а лишь дорезывал некоторые места для обострения выразительности фигурки.

«Чувели» произвели на меня большое впечатление. Напоследок я расспросил хозяина о самом Чувеляеве. Тот рассказывал очень тепло и сердечно, хотя, вероятно, родные частенько не принимали всерьез вдохновенную одержимость и увлечение художника.

Я сфотографировал несколько «чувелей», дружески распростился с хозяином и его семейством и двинулся в обратный путь.

Пингвин и индюк из коллекции Чувеляева.

Чувеляев не был одинок в своем увлечении. В его записках, которые мне удалось просмотреть в Егорьевске, упоминается о некоторых таких же, как он, любителях, среди которых он особенно отмечает писателя Леонида Леонова.

Но все-таки не знал Чувеляев, что круг его единомышленников довольно широк.

Как-то на пароходе мне довелось познакомиться с одним инженером. Он был охотником и постоянно проводил лето на Оке. Увидев, что я с жадностью, даже на расстоянии, рассматриваю выброшенные волной на берег разнообразные сплетения древесных корней, пней и прочего «сырья», он дружелюбно заметил:

— И вы тоже? У меня брат давно «болен корешками».

Я заинтересовался и по приезде в Москву познакомился с его братом, Николаем Николаевичем Черниковым, который страстно всю жизнь любил искусство. Заниматься скульптурой из корней он стал не так давно. Но коллекция его очень интересна. Прием его работы сильно отличался и от чувеляевского и от моего.

Николая Николаевича привлекали преимущественно живописные и декоративные качества материала дерева. Мне очень понравились его изобретательные и оригинальные скульптуры — преимущественно головы сказочных, а иногда и литературных героев. Среди них особенно интересны голова «Лешего» из березового наплыва, «Кикимора», «Актер», «Васко да Гама», «Пьеро».

Однажды в Детгизе я встретил художника Евгения Рачёва. Разговорились о том о сем.

— Да!.. — воскликнул Рачёв. — Ты, говорят, уже давно увлекаешься корешками? Этим летом я тоже попробовал... Преувлекательное дело! «Заболел», ей-богу «заболел»! И, как всегда это бывает, за одной фигуркой другая, а там и пошло!

— Это меня радует. Пусть растёт, распространяется такая прекрасная «болезнь», но я тебе в ней не соболезнаю, а сораднуюсь. У меня уже набралась порядочная коллекция. И с каждой новой удачной вещью хочется понять одно любопытное явление: фигурки из корней кажутся более выразительными и даже по ощущению живыми, чем аналогичный добросовестный рисунок с натуры.

— Вот-вот! — оживлённо ответил Рачёв. — Это же самое приходило на ум и мне: какие-то свойства фигурок из корней создают впечатление необыкновенной их жизненности. Ведь, казалось бы, и пропорции в них часто нарушены, ну и цвет, конечно, не тот, и все-таки...

— В том-то и дело, — перебил я. — Видимо, зрителя волнует преимущественно образность, острота характера изображения. И это все, по-видимому, в искусстве важнее точности. Но этот сложный вопрос требует длительного обсуждения.

Восточная сказка. Скульптура Н. Черникова.

— Алексей, давай друг другу покажем свои корешки! Ведь дело-то больно занятное.

— Да, это просто необходимо, — подхватил я...

Время шло. Как обычно, дела оттягивали встречу, но все-таки показ состоялся: Рачёв выставил свои фигурки на персональной выставке иллюстраций, я экспонировал часть своей коллекции на четвертой академической выставке, а «Дон-Кихота» — на юбилейной выставке к 40-летию советской власти.

Стоя у витрины с моими фигурками, художник Аркадий Пластов, с интересом разглядывая их, заметил:

— Мы с сыном Николаем в Прислонихе тоже любим заниматься этим. У нас уже порядком набралось корешков. Мы их так и называем: «лесные боги». Там у нас одна русалка есть. Ну и занятная же!.. Да, надо их привезти показать, — кончил он неопределенно.

— А из чего вы их делаете?

— Из корней бересклета — есть такой кустарник. Они крепки, как слоновая кость; кожуру-то у нас там собирают, как каучуконос, а корни выбрасывают. Выбирай, что душе понравится...

Встречаю как-то товарища юности П. Сначала общие разговоры, потом задаю ему вопрос:

— Где же ты работал все это время? Тебя нигде не видно и не слышно...

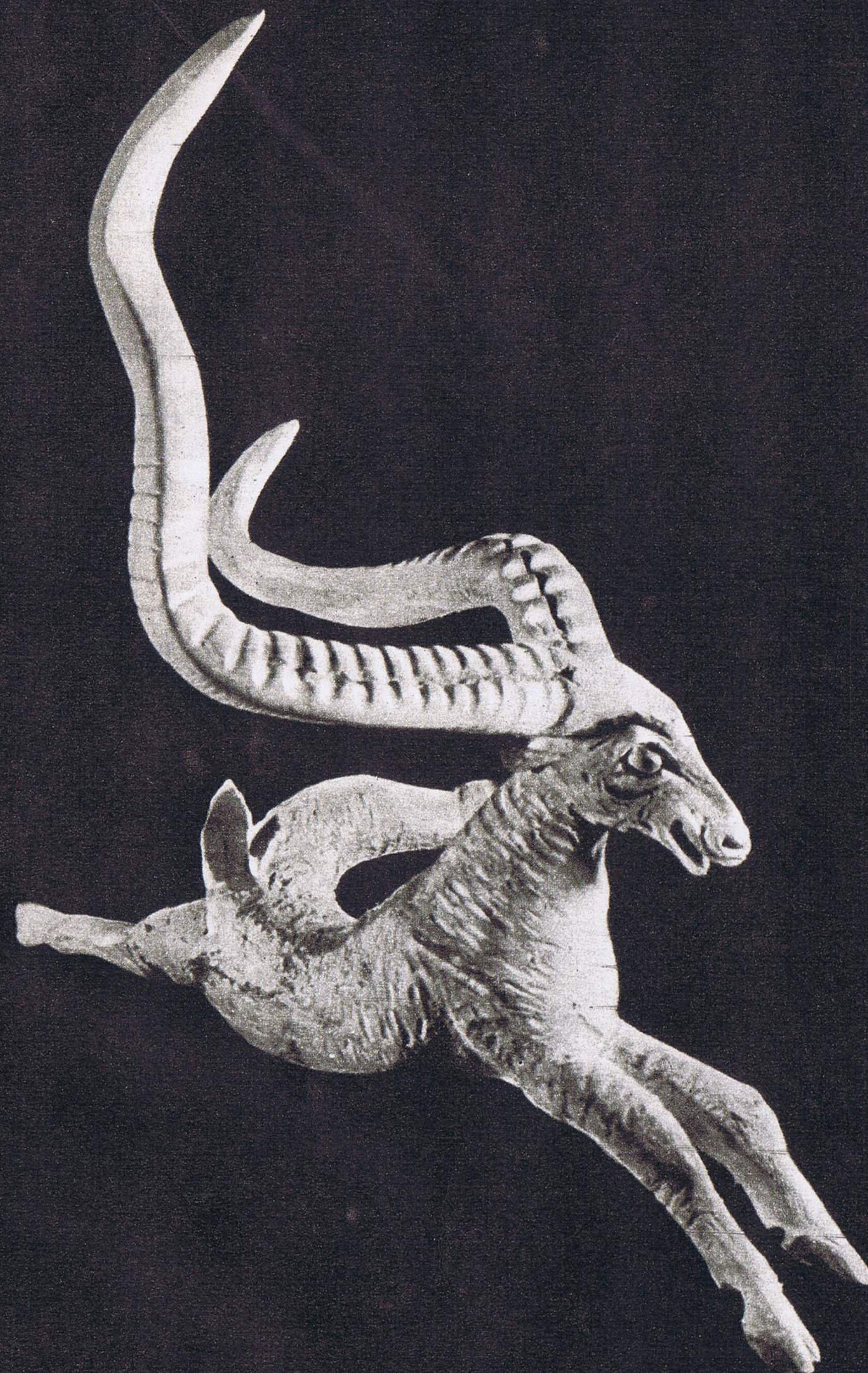
— Долго работал в Центральном Доме пионеров, среди ребят. Многие годы ушли на это, — отвечал он и, в свою очередь, спросил: — Ну, а чем ты сейчас занят?.. Впрочем, вижу — тоже корешками увлекся.

(В руках у меня было несколько корней.)

— Почему — тоже? — поинтересовался я.

— Да мы с ребятами много их перетаскали из леса для всяких поделок...

Оказалось, что П. летом проводил с пионерами экскурсии в лес за сбором лесных диковинок. Пионеры потом дорабатывали, делая разные фигурки, вешалки, дверные ручки, полочки и многое другое.

Козерог. Скульптура Е. Рачёва.

— Как ты додумался до этого? — поинтересовался я.
— Скажу откровенно: об этом я прочел однажды в журнале «Пионер». Там даже было напечатано несколько фотографий этих фигурок.

Мне было совершенно ясно, что П. говорит о заметке Чувеляева. Отрадно было слышать, что увлечение Федора Куприяновича имело и имеет отклик и свое продолжение в широкой пионерской среде.

Я привел лишь несколько примеров увлечения корешками, но насчитать их можно гораздо больше. Совершенно ясно, что каждый по-своему использует лесные диковины.

Черепашка-слон. Работа Е. Рачёва.

Голова телки. Скульптура Е. Рачёва.

Скульптура из корней и сучков может быть как примитивной игрушкой, так и большим, высокохудожественным произведением искусства. Но в любом случае подобное общение человека с природой заставляет его остро ощущать красоты лесного мира.

V. РАЗГОВОР В МАСТЕРСКОЙ

— Ребята, садитесь вот сюда на стулья, на табуретку... там на кресло можете даже вдвоем... А кто не поместился, вот тут... Ну, задавайте мне вопросы, а я буду вам отвечать... Фигурки из дерева вы все видели. Вот они! Ну, что вас еще интересует сейчас, спрашивайте, не стесняйтесь. Ну, я жду... Да вы не стесняйтесь, задавайте любые вопросы... Ну, ну...

— А где вы их ищете?

— Вопрос необходимый, но, пожалуй, самый сложный. Я нахожу их всюду где возможно, так что даже, в общем, и не знаю где... На корчевках, на лесосеках, на ветровалах, на лесных складах, по берегам озер и рек, в осы-

нях, в промоинах, оврагах, по обочинам дорог и по всем лесным закоулкам. Иногда не сразу, конечно, отыщется интересное. Бывает, пересмотришь целую грудку выкорчеванных пней — и ни одной находки; а потом идешь по дороге, машинально глядишь по сторонам — и вот перед тобой что-то мелькает... Одним словом, всякое бывает.

— Ну, а что же можно найти на берегу озера?

— Такие же корешки. Их в воде много. Вода подмывает берега — получаются осыпи. Деревья и кустарники падают в воду. Бревна, стволы вылавливают, а корни часто подолгу находятся в воде, а затем лежат на берегу. Их так обрабатывают вода и солнце, песок и камни, как нам с вами не отделать. На морских берегах тоже встречаются дары моря, выброшенные прибсем.

— Вы только корешки собираете?

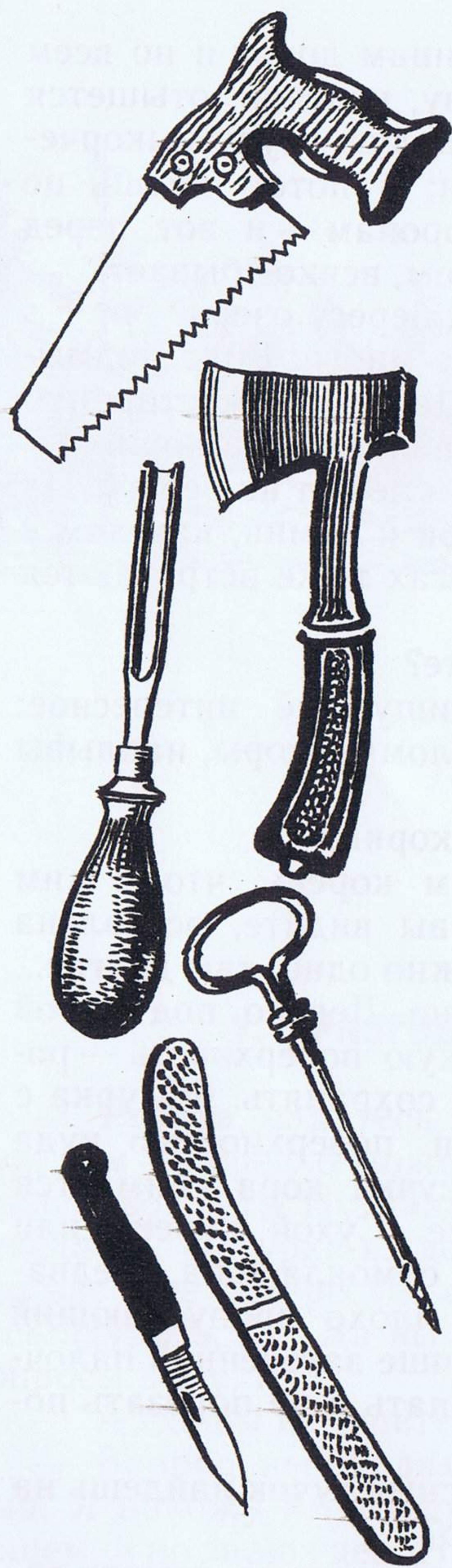
— Нет, конечно. Собираю и ищу всё интересное: коряги, обрезки дерева, сучки, обломки коры, наплывы и многое другое.

— Ну, а как вы обрабатываете корни?

— Зачастую подсказывает сам корень, что с ним делать. На одних фигурках, как вы видите, оставлена кора, на других — коры нет. Тут нужно одно, там другое... Снимать кору надо очень осторожно. Дерево под корой имеет неповторимо красивую гладкую поверхность — розовато-золотистого цвета. Это надо сохранять. Фигурка с естественным природным цветом и поверхностью куда красивее. С сырого корешка или сучка кора снимается легче. С сухого — гораздо труднее. Сухой корень или сучок лучше положить в воду, чтобы отмокла кора, предварительно срезав верхний ее слой, плохо пропускающий воду. Счищать отмоченную кору лучше заточенной палочкой, а не ножом, чтобы не поцарапать и не порезать поверхность древесины.

— А если подходящий и интересный сучок найдешь на дереве растущем, можно резать его?

— Ни в коем случае! Срезать сучки живые, ломать деревья нельзя. Этим ты принес бы вред лесу. Да и зачем это

Мои инструменты.

делать, если валежника, ветровала и прочих естественных «отходов» леса такое множество, что найти и выбрать для себя что-нибудь интересное всегда можно. Среди подгнивших пней или корней попадаются удивительно сложные и интересные формы. Гнилые места можно частично вычистить, а можно и укрепить — раствором клея или олифы.

— Ну, собрали мы корешки, а что делать дальше?

— Это подсказывают каждому его смекалка и вкус. Ведь когда ты брал корешок, у тебя был какой-то замысел, ты что-то в нем увидел, а как дорабатывать корешок, в большинстве случаев он сам тебе подсказывает. Бывает, что необходимо в одно целое соединить несколько различных частей.

— А стоит ли раскрашивать?

— Ну, об этом я уже вам сказал, ребята. Тут больше доверяйте природе. Вводить окраску нужно осторожно... Какие еще вопросы? Может быть, все ясно? А ведь, пожалуй, не все. Вот я вам сам подскажу! А как соединить две части? Это не так просто.

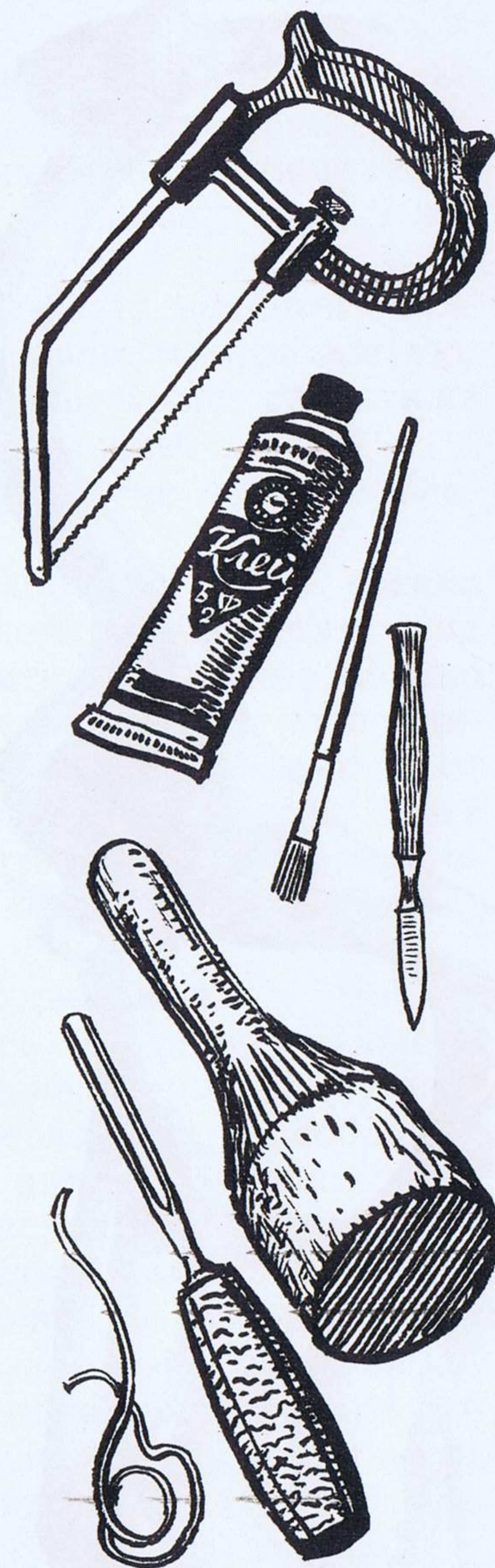
Чтобы крепче прикрепить одну часть к другой, надо прежде всего точно наметить места соединения. Скреплять две части лучше всего деревянным штырем — круглой палочкой. Рассчитав точно место для штыря, нужно просверлить буравчиком дырки, затем, намазав обе части клеем, плотно посадить их на штырь и соединить; потом осторожно перевязать веревками и дать засохнуть.

— А каким клеем лучше клеить?

— Канцелярский клей и гуммиарабик совершенно не годятся. Пока что лучшим клеем считался столярный. Он быстро схватывает, крепко приклеивает. Недаром он употребляется для мебели. Но сейчас существуют гораздо более крепкие и высококачественные клеи — так называемые синтетические смолы. Эти клеи не поддаются сырости, как столярный, да и склеивают гораздо крепче. Современная техника дошла до того, что склеивают металлы в машиностроении, причем такая склейка гораздо прочнее спайки.

— А где достать клей?

— Клей продается в

Мои инструменты.

Антилопа
с детенышем.

магазинах, в тубиках под маркой БФ2, БФ3, БФ4, БФ5 и БФ6.

— А как клеить? Прямо намазывать да приставлять?

— Это написано в инструкции, которая продается с клеем. Но добавлю еще вот что. Часто в дереве попадают пробойны, ямки, дыры, которые нужно заделать. Я поступаю так: беру вату, мочу ее клеем БФ2 и заделываю ею дыры и выемки. Затем посыпаю эти места мелкими опилками и даю засохнуть. Можно заполнить промежутки смесью столярного клея и опилок, а еще лучше сделать из них пасту, которой можно замазывать швы.

— Алексей Михайлович! Ваши многие фигурки блестят — как добиться этого?

— Это последний процесс работы. Дерево крепко выглаживается костяной палочкой, приобретая вид драгоценного материала. Но делать это можно только с крепкой древесиной. Рыхлую древесину следует пропитывать жидким раствором клея. Китайцы пропитывают дерево олифой. Оно становится тяжелым и еще более прочным... Ну, мои друзья, как будто бы обо всем переговорили. Вопросы еще есть? Как видно, нет?

Раздался нестройный хор:

— Спасибо... До свиданья... До свиданья...

— Ребята! Ребята! Задержитесь на минуту. Совсем забыл: а что нужно для работы, я и не рассказал. Ну ладно, слушайте стоя. На прогулку всегда берите с собой топорик и маленькую ножовку. Для них лучше сшить футлярчики. Ну конечно, надо иметь перочинный нож. Дома вырезать корни лучше всего специальными ножами. Они продаются в хозяйственных магазинах... Для просверливания дерева нужны буравчики разных размеров, рашпили для обточки тех или иных мест, наждачная бумага для сглаживания срезов сучков... Ну, пожалуй, вот и все... И теперь уже по-настоящему до свиданья!

VI. СЛУЧАЙНАЯ СКАЗКА

Был ясный летний день. За огромным окном мастерской виднелись очертания окраин города, а за ними тянулись неясные дали, уводящие воображение далеко, к цветущим лугам и рощам.

Большая форточка была открыта, и в нее поминутно врывались радостный писк и щебет стремительно кружащих стрижей и ласточек, которые концами своих острых крыльев почти касались стекла.

На полках стояли рядышком деревянные фигуры из корней и сучков. Им было явно тесно. Они боялись даже шевельнуться, чтобы не толкнуть друг друга.

Несмотря на то что днем вещи разговаривать воздерживаются, между фигурами шла оживленная беседа.

— Друзья! — говорила крылатая антилопа. — Когда художник доделывал мне уши, он просто не обратил внимания, что я трехнога. И действительно, стоит ли об этом говорить, когда у меня, кроме ног, имеются собственные крылья!

Антилопа даже попыталась помахать крыльями, и, хоть они были неподвижны, ей казалось, что она в любую минуту может вспорхнуть и умчаться вместе с ласточками и стрижами.

— На что тебе крылья? — мрачно заметила сова. — Даже я своих поднять не могу.

Она всегда во всем видела плохое.

— Ну, знаешь, об этом не спрашивают! Ведь бывают же летучие мыши — отчего же мне не быть летучей? — отвечала антилопа.

— Ты, антилопа, говоришь глупости! — заметил лось. — Наше призвание — не летать и не бегать, а стоять на месте и радовать человека...

— Это верно, — добавил испанский бык. — Но, друзья, пока мы живем одной общей дружной семьей. Каждый раз, когда художник приходит в мастерскую, как ласково и нежно он смотрит на нас...

— Это он смотрит на меня, — перебила мартышка.

— Ну, нет! — продолжал бык. — Мы все ему одинаково милы.

— Конечно, все, — подтвердили остальные хором.

Бык снова заговорил:

— Но не вечно же мы будем стоять тут! Почти все произведения художника в конце концов уходят из мастерской. Куда — мы не знаем. По-видимому, и мы разойдемся по разным домам. Попадем к разным людям, чтобы украшать их жизнь. Скажу откровенно: я бы хотел попасть к музыканту. Я еще в лесу прислушивался к шуму ветра на вершине сосны, корнем которой я был, и с тех пор полюбил музыку. Ах, как хорошо она шумела!

— Да разве шум ветра — это музыка? — возразила, вмешиваясь в разговор деревянных фигурок, фарфоровая

собачка с другой полки (она всегда любила вставить свое словечко, даже когда ее не спрашивали).

— О, конечно, это музыка! — воскликнули хором все деревянные фигурки.

— Да, это особая музыка, — сказал лось. — Вот хотя бы около моего дерева по парку бежал ручеек, совсем близко от меня. Я часто слушал его простую песенку. Он пел не хуже любой птички. Ах, как хорошо он пел, и это тоже была музыка!

Лось замолчал.

Разговор на время затих. Все вспоминали те песенки и звуки, которые слышали, когда еще жили в лесу. И всем стало немного грустно — захотелось снова побывать там.

— Друзья, продолжим разговор, — прервал молчание страус. — Я бы хотел украшать стол писателя. Он глядел бы на меня, вспоминал лес и больше писал бы о природе.

— А по-моему, неплохо порадовать глаз любого человека в любой семье. Ведь художник и делал нас для этого... — снова заговорил лось. (Он был сделан из корня старого дерева и на своем веку много видел и много знал.) — Но не лучше ли всего, друзья, хотя бы кому-то из нас попасть в музей или Дом пионеров? Вот и посмотрели бы тогда люди, как можно делать интересное даже из ненужных человеку старых корневищ.

Верблюд стоял молча. Он одним ухом прислушивался к разговору и думал о превратностях судьбы.

— О да! — сказал он многозначительно. — Слушайте, что я расскажу. Вот был я деревом, рос долго. Сначала был свеж и крепок. Однажды разразилась страшная гроза. Небо стало черным. Бушевал сильнейший ветер. Деревья вокруг словно стремились сорваться с места и полететь неведомо куда. Порывом ветра моя береза надломилась у самого корня и с грохотом, подминая под себя соседнюю молодую поросль, рухнула на землю. Наутро была ясная, солнечная погода. Пришли люди с топорами и пилами, разрезали всю березу на части и увезли, а я остался у самого корня, прижавшись плотно

к одному из его извивов. Меня ждала печальная участь. Я это ясно видел по соседним пням, из которых многие сгнили дотла. И я уже был готов к тому же. Сырость и гниль начали разрушать мое тело, жуки-точильщики разъедают сердцевину...

Но вот однажды октябрьским солнечным днем появился на нашей полянке большой пожилой человек с топориком в руках. Он шел медленно, рассматривая что-то у себя под ногами. Вот он увидел меня и сильным ударом топора отколол от гнилого пня. Я приготовился ко всему. Каково же было мое удивление, когда меня умыли и причесали, и положили на стол среди самых разных корней и сучков! Через некоторое время я зажил второй жизнью. Я стал верблюдом... — И рассказчик глубоко вздохнул. (Ведь и дерево может вздохнуть, это очень хорошо известно даже в науке.)

Сова опять усомнилась:

— Хоть и верблюд, да ведь не живой!

— Ну что ж! — ответил верблюд. — Хоть и не живой, зато верблюд!

— А ведь нам здесь действительно хорошо! — неожиданно вставил лось.

— Что хорошо?... Что хорошо? — заговорили все сразу.

— А то, что мы все тут собрались и снова стали жить интересной жизнью. Я слышал, что художник решил написать про нас книгу...

Поднялся шум. Антилопа даже приподняла крылья. Дирижер вытянул свою палочку и замахал ею словно перед оркестром. Индийская танцовщица попыталась подпрыгнуть.

Вдруг неожиданно в открытую форточку мастерской влетела ласточка. Она с громким криком метнулась туда-сюда, ударилась несколько раз о стены и об оконное стекло, на лету задела крылом страуса — тот, зашатавшись, едва не упал — и наконец уселась на первый попавшийся сучок. Это были рога лося.

Горный козел.

Тогда лось обратился к ласточке:

— Ты полетишь отсюда снова на простор. Передай всем нашим лесным братьям и сестрам, что мы живем интересной новой жизнью, что мы — дружная большая семья, что людям приятно смотреть на нас, и все же мы не забываем родных лесов и рощ, корчевок и болот, озерных берегов и оврагов...

Но тут сказка обрывается, потому что в то самое время, когда лось говорил свою речь, в мастерскую вошел я и беседа смолкла.

Ласточка билась о стекло. Я помог ей вылететь в окошко, распахнув его настежь. Она взвилась, весело и звонко защебетала и скрылась в сиреневой дали, за туманными силуэтами домов и парков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Начало	5
II. Причуды природы	9
Разное	—
Небывалая охота	16
III. Дары леса	25
Вокруг много интересного	—
Что рассказывают музеи	30
Первая находка	39
Крылатая антилопа	40
Страус	42
Индийская танцовщица	44
Испанский бык	45
Лось	48
Голова старика, щенок или верблюд?	50
Мартышка без очков	55
Заяц или обезьяна?	57
Старая леди и будущий богатырь	58
Дон-Кихот и Санчо Панса	60
IV. По следам «чувелей»	68
V. Разговор в мастерской	82
VI. Случайная сказка	88

книга
из библиотеки
Ольги Волковой
vk: olga.strela